

Непридуманные истории

РЕЦИДИВИСТКА

Александр
ЗВЯГИНЦЕВ

СЕКРЕТНАЯ ПАПКА ПРОКУРОРА

«...эту книгу можно с полным правом поставить в один ряд с лучшими «полицейскими романами» Европы и Америки двадцать первого века».

Жарар Марку, профессор права Сорбонны

Annotation

Книга известного писателя Александра Звягинцева, много лет проработавшего в правоохранительных органах, составлена из рассказов, родившихся на основе уникальных записок матерого законника. Автор с присущим ему знанием дела перевел криминальные сюжеты с формального языка официальных протоколов на простой и понятный язык нашего времени. Тонкий юмор, салтыковская сатира, человеческие страсти и такие узнаваемые приметы времени — все это составляет неповторимый колорит книги. Ее герои, яркие, запоминающиеся, живут полной опасностей жизнью, проходят по ее запутанным лабиринтам, раскрывают непростые, а порой просто уникальные уголовные дела.

Александр Звягинцев

Рецидивистка (сборник)

© Звягинцев А. Г., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Часть 1

Особый случай

Обыск со смертельным исходом

Студеным январским утром начинающий работник городской прокуратуры Викентий Владиленович Багринцев ехал в составе следственной группы на первый в его жизни обыск. Возглавлял группу следователь по особо важным делам Герман Кириллович Коваль, по-спортивному поджарый мужчина с насмешливым и вьедливым характером, о котором в прокуратуре ходили легенды. Говорили, что если он брался за дело, то доводил до суда любой ценой. Викентий, мечтавший стать таким же легендарным «важняком», давно хотел работать с Ковалем. И вот мечта осуществилась.

Уже в машине Викентий узнал, что группа — в нее входили еще два милицейских опера — едет на обыск в квартире директора мехового комбината Круглова, и сразу заволновался. Дело было в том, что в школе они учились вместе с дочерью Круглова. Он тут же сказал об этом Ковалю. «Важняк» покосился на него и усмехнулся:

— Шашни небось с ней крутил, с этой самой дочкой?..

— Да не было никаких шашней! Я и не видел ее уже много лет! Она после школы в Москве в университете училась, да там и осталась... Отец ей там квартиру сделал... Замуж она вышла за дипломата... Круглов для нее ничего не жалел, потому что мать у нее умерла, когда она совсем маленькой была, — торопливо рассказывал Викентий.

— Понятно... — задумчиво протянул Коваль.

Всю оставшуюся дорогу Викентий вспоминал Зину Круглову — высокую красивую девушку, в которую он действительно был тайно влюблен. Но тогда, в школе, Викентий был слишком тихим и незаметным, чтобы сказать об этом неприступной Кругловой, которую провожали жадными глазами, кажется, все старшеклассники. Вот такой она в его памяти и осталась — гордой и недоступной.

— А ты, Багринцев, раньше на обыски выезжал? — покосился на него Коваль.

— Нет, — признался Викентий. — Но нас учили...

— Учили... — чуть усмехнулся Коваль. — Занятие это, Багринцев, специфическое. Так что ты там не суетись. Будешь вести протокол. Пока с тебя хватит. Впечатлений и так будет достаточно... Это я тебе обещаю.

Ехали долго — Круглов жил в собственном доме за городом. Викентий старательно вспоминал, что им говорили по поводу обысков во время учебы в институте. В голове вертелись какие-то обрывки. Обыск — это следственное действие, характерным элементом которого является принуждение по отношению к обыскиваемому... При обыске следователь должен не просто искать, а действовать, используя тактические и психологические приемы, постоянно оказывая влияние и давление на обыскиваемое лицо... И тут же он вдруг опять почему-то вспоминал Зину, ее всегда гордо поднятую голову, улыбку, обращенную к каким-то своим, тайным мыслям...

Круглов, дородный, представительный мужик с помятым, сонным лицом, ознакомившись с постановлением на обыск, моментально сник, бессильно махнул рукой и уселся на диван. Он словно не услышал предложение Ковалья предъявить ценности и деньги, приобретенные незаконным путем.

Под большим портретом дочери Круглов сидел прямо и потерянно. Портрет этот буквально притягивал взгляд Викентия. Он узнавал и не узнавал свою школьную любовь.

Потому что с полотна на него смотрела не юная девушка, которую он обычно видел в школьной форме, а молодая женщина в расцвете своей замечательной красоты. И было в ее глазах, вдруг показалось Викентию, нечто необычное, какое-то знание, с которым она ни с кем не может поделиться...

Но тут к нему подошел Коваль и еле слышно спросил:

— Она? Дочь?

Викентий кивнул — она, Зина...

Обыск шел успешно, опера просто не успевали складывать на огромном круглом столе под тяжелой люстрой золотые часы, браслеты, кольца, пачки денег, дорогие меха, которые были небрежно рассованы по всему дому, в каждой комнате. Викентий не успевал записывать. Круглов смотрел на происходящее безучастно. Когда все ценности в доме были обнаружены, Коваль сказал:

— Это все, гражданин Круглов?

— А вам мало? — вяло усмехнулся тот.

— Дело не в том — мало или много, — наставительно сказал Коваль. — Мы должны изъять все ценности, которые вы похитили у государства и народа. Понимаете — все.

— Я не помню, — пожал плечами Круглов. — Может, все... Не помню.

— Так-так, — остановился прямо напротив него Коваль.

Подняв глаза на портрет, он стал смотреть на Зину, словно прикидывая про себя что-то. Круглов, проследив за его взглядом, сразу напрягся.

— Это, я так понимаю, ваша дочь, — задумчиво, даже участливо сказал Коваль.

— Да, а что?

— Красавица, училась в Московском университете, сейчас живет в столице нашей родины, которую вы нещадно обворовываете. Муж у нее, кажется, дипломат... Я не ошибаюсь?

Круглов откинулся на спинку дивана.

— Откуда вы все это знаете? При чем здесь Зина?

Викентий понимал, что Коваль сейчас будет без всякой жалости давить на Круглова. Давить на самое его больное место. А указал ему на него совершенно случайно он, Викентий...

— Как при чем ваша дочь? — вскинул брови Коваль. — По данным следствия, вы похитили гораздо больше, чем то, что мы сейчас нашли. Значит, часть ценностей вы где-то спрятали? Вопрос — где? Скорее всего, у дочери — вашей самой близкой родственницы и, так сказать, наследницы. Поэтому сразу после обыска у вас мы свяжемся с Москвой и сообщим, что ценности могут быть спрятаны у нее. И к ней придут с обыском.

— К Зине? С обыском? — Круглов смертельно побледнел. — Вы с ума сошли? У нее ничего нет! Она ничего не знает! Она... она... Она совсем другая... Она святая...

— Тогда укажите, где спрятаны оставшиеся ценности, — пожал плечами Коваль. — Ну, пожалейте дочь, гражданин Круглов. Я же вижу, что вы ее любите. Что она для вас важнее всего на свете. Зачем же подвергать ее таким испытаниям? А если у нее что-то найдут, то могут и ее привлечь — за соучастие в хищении, хранение похищенного...

Круглов с ужасом смотрел на хладнокровного Коваль и вдруг разрыдался. Смотреть, как плачет здоровенный, сильный мужик, было неприятно. Викентий опустил голову. Коваль же стоял там, где стоял, буквально в метре от Круглова, и спокойно смотрел на него. Лицо «важняка» было непроницаемо.

Через несколько минут Круглов признался, что, помимо изъятых ценностей, он закопал несколько сотен тысяч рублей в трехлитровых банках во дворе дома. Там же спрятал несколько сберегательных книжек на предъявителя. Суммы денег, которые на них лежали, звучали для Викентия просто фантастически. Но и это было не все. Часть ценностей Круглов, как оказалось, прятал у своей любовницы, адрес которой он тут же сообщил.

Когда обыск окончили и уходили из дома, Багринцев невольно глянул на портрет Зины. И лицо ее показалось Викентию еще более исполненным какой-то тайной печали, затуманено неким предчувствием...

Коваль, поймавший его взгляд, одобрительно сказал:

— А ты, Багринцев, молодец. Ценную информацию о дочери сообщил. Во многом благодаря ей мы Круглова так быстро раскололи... Я бы, конечно, все равно его заставил признаться, никуда бы он не делся. Но с твоей помощью время сэкономили. Учти на будущее — чем больше знаешь о преступнике, тем легче с ним работать, потому как знаешь, куда бить...

Прошло какое-то время, и выяснилось, что арест Круглова был только одним из звеньев грандиозной операции по раскрытию целой сети устойчивых преступных групп, раскиданных по всей стране и действующих чуть ли не в пятидесяти городах Советского Союза. Ущерб, нанесенный ими государству, был просто гигантским. Все участники операции были представлены к наградам и поощрению. Благодаря Ковалю, отметившему перед начальством особое участие Багринцева, какое-то поощрение ждало и его...

Как-то уже к концу дня Викентий буквально налетел на Ковалья. Тот остановился, как-то задумчиво поглядел на него, без обычной насмешки сказал:

— Багринцев... Зайди-ка ко мне...

В кабинете Коваль неожиданно спросил:

— Ну, как поживаешь?

— Нормально, — замялся Викентий, — я как раз хотел спросить... Про Зину Круглову...

Ее квартиру обыскивали, допрашивали?

Коваль пристально посмотрел на него. Но опять без насмешки, а как будто с пониманием.

— Так, вижу, что у тебя с ней все-таки были шуры-муры...

— Да нет, Герман Кириллович, ничего такого... Вздохнул только, глядя со стороны, — выдохнул Викентий. — Я же младше ее на год, а в школе это пропасть. Я только хотел спросить... Неужели она в этом *деле* замешана и ее тоже будут привлекать?

— Московские товарищи уже ее навестили, — устало сказал Коваль.

Викентий смотрел на него во все глаза.

— И что? Уверен, что Зина ничего не знала про отца, про его делишки... Она же в школе в комитете комсомола была...

— В комитете, говоришь... Это хорошо, что в комитете... Только вот в квартире гражданки Кругловой был обнаружен тайник с большими ценностями... Очень большими...

Викентий подавленно молчал.

— Правда, гражданка Круглова утверждала, что ни она, ни муж о тайнике ничего не знали... Вот такая история. Арестовывать их не стали до выяснения обстоятельств. Но вечером муж объявил ей, что подает на развод, так как она погубила его карьеру... И съехал с квартиры. А через несколько часов Зинаида выбросилась с балкона. Десятый этаж... Насмерть. Вот такой, Викентий Владиленич, сюжет...

Викентий вдруг увидел, как побелели костяшки его пальцев, изо всех сил сжатых в кулаки.

— Но и это еще не все. Я сегодня допрашивал Круглова. И он сказал, что дочь про тайник ничего не знала. Он сам его сделал, когда там жил, пока они были в отпуске.

Вдруг стало заметно, что выглядит Коваль страшно уставшим и даже расстроенным.

— Ты, Багринцев, это... Я вижу, ты парень совестливый и чувствительный, а такие люди во всем себя привыкли винить. Так вот, нашей с тобой вины тут нет. Мы свой долг выполняем. А этому Круглову надо было понимать, чем все его махинации могут закончиться... Иди, но душу себе не рви. Иначе тебе здесь не работать.

Но Викентий его не слышал. Перед глазами у него стоял портрет Зины, и теперь он понял, что во взгляде ее таилось скорбное предчувствие.

1974 г.

У женщины было неприятно красивое лицо — высокомерное и неумное. В прокуратуру она пришла в черном платье и черном платке, дабы подчеркнуть, что она в трауре по погибшему мужу и потому требует к себе соответствующего отношения.

Но Викентий Владиленович Багринцев, хотя и работал следователем всего второй год, уже обрел, кроме некоторого опыта, еще и определенную толстокожесть, которая, как считал он, необходима для хладнокровного и рассудительного ведения дела.

А дело гражданина Альберта Леонидовича Сазановича, директора популярного в городе кафе «Орион», было вовсе не таким простым, каким казалось на первый взгляд. Несколько дней назад его машину нашли за городом, уткнувшейся в фонарный столб. К тому же она совершенно выгорела. Как выяснилось, огонь был таким сильным, потому что на заднем сиденье машины находилась канистра с бензином. И поэтому труп на переднем сиденье обгорел так, что от него мало что осталось.

Вдова Сазановича, а именно она сидела сейчас перед Викентием, объяснила, что муж, вероятно, решил прикупить бензина про запас, чтобы он на всякий случай хранился на даче. Туда он, судя по всему, и ехал поздно вечером. Еще она рассказала, что муж последнее время часто жаловался на сердце, так что за рулем у него вполне мог случиться сердечный приступ.

Викентий по привычке, которую ему намертво привил его наставник в следственном ремесле Герман Кириллович Коваль, получив дело, прежде всего собрал всю возможную информацию о Сазановиче. И быстро вышел на старшего инспектора ОБХСС Кировского РОВД капитана Лисицына, который уже довольно давно заинтересовался деятельностью директора «Ориона». Скрупулезный и въедливый капитан выявил в престижном кафе не просто мелкие обманы и обчеты, за которые виновные обычно отделялись штрафами да дисциплинарными взысканиями, он разглядел там систематический и организованный характер преступных деяний, за что по закону полагался вполне приличный срок. И даже широкий круг знакомств Сазановича ему тут бы не помог. Лисицын провел огромную работу — тьма ревизий, десятки допрошенных свидетелей. И вот на тебе — Сазанович неожиданно погибает. «Слишком вовремя», — сразу подумал Викентий.

Поэтому, когда эксперты сообщили, что в сгоревшей машине обнаружено вовсе не тело Сазановича, он и не удивился. Теперь надо было искать то ли скрывшегося, то ли пропавшего директора «Ориона». А для этого следовало прежде всего выяснить, в курсе ли дела безутешная вдова или Сазанович, пытаясь обвести всех вокруг пальца, заранее подготовил ее к даче нужных показаний.

— Гражданка Сазанович, установлено, что тело, находящееся в сгоревшей машине, не принадлежит вашему мужу, — сообщил вдове Викентий, не сводя с нее внимательного взгляда. Было очень интересно узнать, как она на это отреагирует.

Женщина отреагировала подозрительно спокойно и быстро сказала:

— Значит, его кто-то убил, забрал машину, а тело спрятал. Закопал где-то... Надо срочно искать!

«Ишь как шпарит, прямо как на уроке», — подумал Викентий.

— Мы-то ищем. Только я хочу вас предупредить вот о чем. Если ваш муж жив и по каким-то причинам скрывается, но поддерживает с вами связь, то...

— Что — то? — огрызнулась «вдова», которая теперь вовсе не выглядела безутешной.

— То вы становитесь соучастницей. Со всеми вытекающими последствиями... То есть мы можем привлечь вас к уголовной ответственности.

— А я тут при чем? — сразу перепугалась «вдовушка».

— Подумайте, гражданка Сазанович. А если у вас есть возможность сообщить о нашем разговоре мужу, то скажите ему, что в его же интересах прийти ко мне и обо всем рассказать. Честно. Это и в ваших интересах.

«Вдова» — или как там ее теперь называть? — смотрела на Викентия со злобой, но в глазах ее уже плескался страх. Она была еще довольно молода и слишком избалована богатой жизнью, чтобы вести серьезную и долгую борьбу со следствием. Если Сазанович рассчитывал на нее, то это была его ошибка. Настоящего давления она не выдержит, подвел итог своим наблюдениям Викентий, потому как попросту неумна и в серьезных переделках не была. Видимо, пожилому Сазановичу нужна была такая вот красивая кукла для развлечений на старости лет. Так что в свои планы он ее втянул зря...

Когда женщина ушла, Викентий вдруг вспомнил, что хотел попросить экспертов еще об одном исследовании. Некоторое время назад, только готовясь вступить на стезю следственной работы, он запоем читал книги по истории криминалистики. И наткнулся там на так называемое дело Коккеля. Произошла эта история в довоенной Германии. Некий коммерсант въехал на своем «Опеле» в столб. Автомобиль загорелся, и тело водителя извлекли из него совершенно обгоревшим. У полиции было две версии: сердечный приступ и самоубийство. Но когда выяснилось, что коммерсант незадолго до этого застраховался на очень большую сумму, а сразу после его смерти жена предъявила претензии на страховые суммы, возникли подозрения, что тут имеет место какой-то обман.

Страховая компания обратилась к известному судебному медику Коккелю. Тот провел вскрытие и установил, что мельчайшие кровеносные сосуды в легких погибшего человека закупорены светлыми, как вода, каплями. Это была так называемая жировая эмболия. А Коккель знал, что хирурги и патологоанатомы давно уже обратили внимание на то, что в результате ударов по телу, переломов костей, жестоких пыток наступает закупорка мелких сосудов легких частицами телесного жира, что ведет к прекращению кровообращения и смерти. Причем такая эмболия может развиваться буквально в течение нескольких секунд. И в той или иной форме она всегда следствие внешнего насилия над жертвой.

Исходя из этого, Коккель пришел к выводу, что человек в автомобиле не умер от сердечного приступа и не покончил жизнь самоубийством, а был убит прежде, чем сгорел. И вероятнее всего, убит именно самим коммерсантом, который задумал страховое мошенничество. За женой подозреваемого сразу установили слежку. И она довольно скоро принесла положительные результаты — ее муж действительно был задержан. Сначала коммерсант утверждал, что действительно в его машине был другой человек, но он его не убивал. Просто его попутчик заснул, а когда они врезались в столб и машина загорелась, сам он выскочил и от страха убежал. Однако Коккель был уверен, что наличие эмболии опровергает его версию. Он убеждал полицию, что человек в автомобиле погиб до пожара и погиб в результате насилия. В конце концов истина была установлена. Припертый к стене коммерсант сознался, что действительно сначала оглушил, а потом задушил потерпевшего и только потом уже аккуратно въехал в столб и сам поджег машину.

Сазанович явился на следующий день. Это был жилистый, цыганистого вида пожилой мужчина с длинными сильными руками и неожиданно прозрачными серыми глазами, в

которых не было ничего доброго. Надо сказать, выглядел он вполне спокойно и уверенно. И тут же выложил свою версию случившегося.

В дороге, не доезжая одного населенного пункта, у него действительно прихватило сердце. Сазанович остановил машину у перелеска, принял таблетку и вышел на воздух немного отдохнуть. Вокруг никого не было видно. Ключ зажигания, разумеется, он не вынул, а дверцу оставил открытой. Когда он спустился с обочины и отошел от машины метров на двадцать, чтобы подышать свежим сосновым воздухом, очень полезным, как он утверждал, для сердечников, вдруг услышал за спиной стук захлопывающейся дверцы. Сазанович обернулся и увидел, что кто-то сидит за рулем. Через мгновение машина рванула вперед, а он остался стоять с раскрытым ртом, прижимая ладонь к работавшему с перебоями сердцу. Однако автомобиль, не проехав и ста метров, врезался в столб. Через мгновение страшно полыхнуло пламя. Сазанович подошел ближе и увидел в огне силуэт человека. Сильно испугавшись, он пошел прочь. Вернулся в город и залег на квартире, о существовании которой никто не знал. Никак не мог решить, что ему делать. Был уверен, что его обвинят в гибели человека. Промаявшись несколько дней, все-таки позвонил жене, она рассказала ему о визите в прокуратуру. Подумав, он решил, что другого выхода нет, надо идти с повинной...

Выслушав Сазановича, который вовсе не производил впечатления человека, который может потерять голову в какой-либо ситуации, Викентий доброжелательно поинтересовался:

— Гражданин Сазанович, а жену вы посвятили в свои планы?

Сазанович внимательно посмотрел на Викентия, но ничего не сказал.

— Видите ли, — неторопливо сказал Викентий, — экспертиза установила, что человек, сгоревший в автомобиле, был сначала сильно избит... А потом уже, когда машина аккуратно въехала в столб, его перетащили на место водителя, а машину подожгли... Наличие в сосудах погибшего жировой эмболии неопровержимо доказывает это. Так что ваша история не подтверждается...

— Ну зачем же, товарищ следователь, столь поспешные выводы так сразу брать и делать. Эту песню я уже слышал, а точнее, читал у Торвальда в книге «Сто лет криминалистики», — не моргнув глазом тут же невозмутимо парировал Сазанович. — Я ведь человек интересующийся... Поэтому не надо меня под клишированные чужие истории и под статью подводить. Уж если бы я хотел избавиться от кого-нибудь, то поверьте, не действовал так примитивно. Ведь, как видите, я не хуже вас знаком с возможностями современной криминалистики.

Потом Сазанович снисходительно улыбнулся и добавил:

— Так что, товарищ следователь, у меня другая история — своя. А что касается жены... Не трогайте вы ее. Ничего она не знает. Она у меня для других радостей предназначена...

Наслаждаясь вечерней прохладой, Багринцев и Коваль неторопливо шли по заполненной праздными людьми центральной улице города. Толпа выглядела веселой и беззаботной. И даже вечно озабоченный «важняк» чему-то улыбался, одобрительно поглядывая на стайки девушек в легких летних платьях. Но Викентию было не до них. Он рассказывал коллеге про допрос Сазановича.

— Да-а-а, — хмыкнул Коваль, — вот такой тебе Коккель-моккель получается! Рано ты ему все вывалил, рано... Сазанович — это такая рыбина, что на понты его просто так не возьмешь. Тут неоспоримые доказательства давай.

По-отечески посмотрев на зардевшегося Багринцева, Коваль доброжелательно продолжил:

— Дело-то мутное. Свидетелей нет. Никто ничего не видел. Так что суду предъявить нечего. Даже и с эмболией этой... Как только увидит он, что суд верит в эту эмболию, тут же заявит, что да — была драка... Он решил человека подвезти, а тот на него набросился с кулаками. Пока дрались, машина въехала в столб... Ну и далее как по писаному — машина загорелась, он испугался, убежал... Самооборона, выходит.

— А что же теперь делать? Отпускать? — совсем растерянно спросил старшего товарища Викентий.

— Ну, зачем так уж сразу...

Коваль загадочно улыбнулся.

— Потолкуй ты, Викентий Владиленович, лучше с нашим коллегой из ОБХСС, капитаном Лисицыным... Я как раз перед уходом с ним говорил. У него на этого Сазановича огромный материал готов.

Мудрый Коваль как в воду глядел. За создание преступной группы, систематически расхищавшей государственное добро в кафе «Орион», Сазанович был приговорен к десяти годам лишения свободы. Добраться до места отбывания наказания ему было не суждено. Через день после вынесения приговора его парализовало, и он скончался в следственном изоляторе не приходя в сознание.

Установить, кто сгорел в его машине, так и не удалось. Что это был за человек, почему его никто не искал, как причастен ко всему этому Сазанович, осталось загадкой.

1975 г.

Не ходите, девки, замуж

Следователь прокуратуры Альбина Шип, еще молодая одинокая женщина, слушала свою школьную подругу Веру и думала о том, как странно складывается жизнь. Еще вчера она подруге завидовала, а вот теперь смотрит на нее с сочувствием и тайной радостью. И радуется она сейчас тому, что у нее самой никаких серьезных отношений с Василием Кологривовым, мужем подруги, в свое время не сложилось и выходить за него замуж она не решилась. А замуж ей и тогда уже было пора, а уж сегодня — и говорить нечего. Беда с этим замужеством...

Беда-то беда, а вот послушаешь Веру, как она со своим благоверным мается, так и вообще замуж расхочется. Василий, которого Вера после того, как Альбина с ним рассталась, подхватила, оказался человеком для семейной жизни совершенно негодным. Жуткий растрепай, бездельник и гулена, он ни на какой работе дольше полугода не задерживался, а последние три месяца и вовсе жил на иждивении жены. Занимался он тем, что целыми днями раскатывал на старенькой машине, подаренной Vere ее родителями. Вроде бы в поисках работы. Поиски так затянулись, что Василий решил даже попытаться счастья в соседнем городке, благо на машине до него можно было добраться за полчаса.

И надо же — повезло, подвернулся хороший заработок. Две недели он уезжал с утра, а возвращался лишь вечером, страшно уставший. Вера, счастливая, что муж наконец взялся за ум, вокруг него на цыпочках ходила. Наконец настал долгожданный день расплаты за труды праведные. Василий укатил за зарплатой, обещал вернуться с подарками... И вернулся. С уведомлением из милиции, что его по дороге... ограбили. Случай для этих мест небывалый. Вымогатели отняли у него все деньги, что он заработал, как говорится, непосильным трудом. О чем он, расстроенный и чуть ли не убитый горем, сразу же по месту совершения преступления заявил в милицию. Еще больше расстроилась, услышав его рассказ, Вера. Вот и пришла к подруге просить о помощи. На эти деньги у нее были все надежды. Может, найдут грабителей.

Конечно, дело это было не прокурорской подследственности, да и совершен грабеж был в чужом городе, но чего не сделаешь ради подруги, к тому же несчастной. Поработать с этим сообщением о совершенном преступлении Альбина попросила своего приятеля, опера Аркадия Христофорова по прозвищу Колумб. Это был пижонистый молодой человек маленького роста, но до смешного самоуверенный и на удивление хваткий. Он только что вступил в партию и очень старался. К тому же он был родом из того самого городка, где Василий получил деньги. Там от него тайн не было.

Христофоров довольно быстро справился с поставленной задачей. Через день он уже сидел перед Шип и, поигрывая бровями, докладывал о результатах расследования:

— Ну и дельце вы мне подобрали, Альбина Тимофеевна... Прямо не знаю, с чего начать... Ну, ладно, поехали. Начал я с самого пострадавшего. Смотрю, стоит предо мной здоровенный бугай. Брюхо он себе, конечно, уже запустил, но ручищи что твои окорока. Как же, думаю, ты, голубок, мог так просто двум гопникам зарплату, которую семья ждет, отдать?

— Ну, и спросил бы его об этом!

— Мерси за совет. Спросил я его, а он заблеял в ответ что-то несурзное — мол, от неожиданности растерялся. Я ему говорю, что если бы ко мне трое подвалили с таким хамством, я бы их там же и загрыз! А он все про эффект неожиданности расписывает... А

чего, спрашиваю, машину остановил? Ехал бы себе и ехал. Что-то, говорит, забарахлило. А потом, спрашиваю, починил, что ли? Да, говорит...

Альбина покачала головой.

— Что-то это мне все не нравится. Что, они в кустах сидели и ждали, кто остановится?

— Это еще что! Спрашиваю, в каких купюрах точно была сумма? В разных, говорит. Ну, примерно — сколько пятерок, сколько червонцев? Не помнит... Ладно, говорю, давай адрес организации, где ты шабашил. А он... адреса не помнит.

— Интересно как!

— Ну! Детектив тот еще. Слава богу, где отделение милиции, куда он заявление подал, находится, вспомнил. Ну, я туда... А там...

Колумб выдержал трагическую паузу:

— А там сидит мужик, который оказался дружбаном этого самого потерпевшего Кологривова.

— Думаешь...

— А чего тут думать! Точно. Мне мои кореша сразу весь расклад выложили. Рассказали, как они шептались возле райотдела. Так что тут липа самая настоящая. Развесистая такая. Не было никакого ограбления. Придумал все с приятелем... Сажать его за это, может, и не стоит. Но пугнуть надо, чтобы впредь неповадно было. А то наш шалун в следующий раз еще чего-нибудь удумает.

На следующий день Альбина сидела у себя в кабинете и размышляла, как ей рассказывать обо всем Вере, чтобы как-то уберечь от чрезмерного расстройств, когда в дверь постучали. Это оказалась Вера.

Какое-то время они сидели молча. Альбина все подбирала слова, а Вера тоже не знала, что сказать. Наконец Альбина решилась:

— Вера, тут такая история... Мы кое-что по твоему мужу выяснили...

— Ой, Альбина, ты прости меня, ради бога, что я тебя в это дело втянула, — заискивающе улыбнувшись, сказала Вера.

— Да при чем тут это! Дело-то в том...

— Да знаю все! Рассказал мне, что не было никакого ограбления... Обманули его, не заплатили. А он... Он сказал, что не мог уже видеть, как я переживаю из-за него, представил, как я расстроюсь, ну, и решил побережь меня... Все-таки любит. Ты, я знаю, может, и не веришь, потому что у вас с ним что-то было тогда... А он, видишь, любит, раз на такое ради меня решился.

Вера подняла глаза, и Альбина вдруг увидела, что она смотрит на нее с каким-то торжеством и чуть ли не высокомерием. И тут она поняла, о чем сейчас думает подруга. Глаза ее как бы говорили: «Вот видишь, он женился на мне по любви, а не так просто, как ты, наверное, считаешь!»

Альбина смотрела на счастливое — да, именно счастливое! — лицо Веры и не знала, говорить ли ей, что, как установил проныра Колумб, любимый муж ее во время своих отъездов никакой работой не занимался, а проводил время у любовницы — гражданки Криворучко Светланы Фадеевны, проживающей в частном доме по адресу: улица Советская, дом номер восемь...

1976 г.

В небольшой салон проката бытовой техники во время обеденного перерыва вошла цыганка. Подойдя к стойке, уставилась тяжелым взглядом на работавшую в салоне девушку. Той вдруг стало не по себе.

— А сменщица твоя где, милая? — хрипло спросила цыганка.

— Завтра будет. А что?

— Да так. Ничего. Я ей кое-что принесла. Она просила...

Затем незнакомка вдруг взяла девушку за руку, ладонь ее была влажной, теплой, и заговорила торопливо, словно опасаясь кого-то:

— Ох, милая, смотрю и вижу, что порчу навели на тебя дурные люди! Сильную порчу, очень сильную. И на семью твою тоже. Мама у тебя скоро умереть может!

Цыганка буквально уставилась на девушку своими большими темными глазами, и та почувствовала, как неясный страх проникает в нее.

— Не веришь? Тогда смотри.

Она быстро начертила пальцем на столе невидимый крест. А потом протянула девушке обрывок бумаги и спички:

— Бумага эта заговоренная. Все покажет. Сожги ее и рассыпь пепел по столу...

Девушка послушно сожгла бумагу, рассыпала пепел.

— Сдуй пепел, — приказала цыганка.

Уже ничего не соображающая девушка послушно дунула и увидела, что часть пепла не улетела, а осталась на столе в форме креста.

— Крест на тебе поставили, милая... Спасаться надо.

Девушка хотела что-то сказать, но не смогла.

— Я могу помочь тебе, милая. Жалко мне тебя. Дай-ка мне свой платок — я поворожу, порчу сниму, вылечу, помогу и ничего с тебя не возьму.

Девушка достала платочек. Ворожея принялась быстро завязывать концы его узлами, непрерывно бормоча что-то — то ли молитвы, то ли заклинания. У девушки, испуганно смотревшей за этими непонятными манипуляциями, закружилась голова, ее вдруг начало знобить... Через несколько мгновений она уже вытаскивала из ушей сережки, снимала с пальцев кольца, расстегивала цепочку с кулончиком... Цыганка быстро сложила все в платочек, завернула, сказала, что в этом золоте сосредоточена погибель и над ним надо провести обряд очищения.

Когда через несколько минут в салон зашел клиент, он увидел, что девушка сидит, закрыв лицо руками, и горько рыдает...

Оперуполномоченный старший лейтенант Аркадий Христофоров по прозвищу Колумб пребывал в раздражении. Начальство накрутило ему хвоста и вставило хорошенького фитиля. Потому как именно ему поручили поимку наглой вымогательницы, которая под видом ворожеи ходила по магазинам и выманивала у продавщиц ценности и деньги. Последними были магазин «Хозтовары», торговый центр «Славянский», ателье по ремонту трикотажа.

Колумб уже составил для себя список приемчиков, которыми пользовалась ворожея. Она оказалась теткой непростой, весьма расчетливой и осторожной. Например, придирчиво выбирала «клиенток» и не с каждой начинала работать. Иногда даже по несколько раз

заходила в магазины на разведку. Обычно выбирала время, когда в магазине было поменьше народу или вообще никого — утром или в обеденный перерыв. Была очень осмотрительна. Начинала «сеанс» и, если чувствовала, что «клиент» поддается, продолжала. Если видела, что клиент не реагирует, уходила сразу. Как установил Колумб, из десяти клиенток семеро просто посылали цыганку сразу, а вот двоих-троих ей удавалось раскрутить — женщины верили в напущенную на них порчу и сами отдавали драгоценности и деньги.

К тому же ворожея, судя по всему, владела навыками гипноза — пострадавшие просто забывали приметы мошенницы, не сразу приходили в себя и не осознавали, какую глупость совершили... И владела этими навыками ворожея неплохо. Поэтому не боялась действовать в одиночку, хотя обрабатывать жертву значительно легче вдвоем — напарница и поддержит, и подыграет, и поможет скрыться в случае неудачи...

Цыганка сначала устанавливала с жертвой контакт, вызывала доверие, сообщая, например, будто бы знакома со сменщицей и что-то ей принесла. Затем она запугивала ее, внушая, что на нее и на ее близких навели порчу. И тут же переходила к роли избавителя, обещая порчу снять.

Все происходило очень стремительно. Жертва не успевала даже понять, почему ее вдруг начинает переполнять чувство благодарности к спасительнице. Она была готова сделать что угодно. В ходе «сеанса» ворожея постоянно повторяла ключевое слово — «снять». Сначала — «снять порчу», а затем — «снять украшения»... такой вид гипноза, как выяснил Колумб, в медицине называется «сомнамбулическим». В таком состоянии человек полностью подчинен гипнотизеру и выполняет все его команды. Но сомнамбулическому гипнозу поддается, согласно статистике, лишь каждый десятый. Поэтому-то мошенница искала именно их...

А вот где искать ее? Тем более что драгоценности, которые она выманила, нигде не всплывали, то есть с реализацией цыганка не спешила. Колумб предложил было начальству объявить по радио и телевидению, что в городе действует мошенница, но получил по шапке. Мол, хочешь панику в городе посеять! Что нам в горьком скажут? На весь Союз хочешь ославить?..

И вот теперь Колумб сидел в своем кабинете и тоскливо ждал нового сигнала о подвигах ворожеи. И дождался.

В магазине «Цветы» все шло как по маслу. Молоденькая продавщица оказалась абсолютно внушаемой и уже скоро сняла с себя и отдала серьги и золотой крестик. Оставалось забрать еще деньги, но тут в магазин зашел неведомо откуда взявшийся покупатель.

— Скажи, что магазин закрыт, — приказала цыганка.

— Закрыто, — послушно повторила девушка. — Попозже заходите.

— А мне срочно надо, — запротестовал незваный гость. — Я с работы отпросился. Ну что вам стоит!

Ворожея опытным взором отметила, что девушка «просыпается», и решила уходить, но было поздно. Девушка, словно стряхнув пелену с глаз, решительно сказала:

— А ну-ка верни мои драгоценности. Я сейчас милицию вызову!

— Нечистая сила забрала! — запричитала быстро злоумышленница, надеясь, что сомнамбулическое состояние повторится. — Подожди, я обряд проведу, все само в кошелек вернется!

Но девушка становилась только злее. Она решительно загородила двери:

— Отдавай, я сказала! Не выпущу!

— Пусти! — закричала цыганка. — А то облысеешь! Морду перекосит! Паралик стукнет, лежать будешь!

Но запугать не удавалось, и тогда ворожея просто вцепилась ей в волосы. Девушка вскрикнула от боли, отпрянула, цыганка метнулась в открытую дверь...

Услышав, что мошенница только что навестила магазин «Цветы» на улице Энгельса, Колумб бросился к своим стареньким «Жигулям», на которых раскатывал последнее время. Цветочный магазин был неподалеку.

Не доезжая до поворота, он вдруг заметил женщину, которая пыталась остановить уворачивающиеся от нее машины, бросаясь прямо на проезжую часть. «Жигули» Колумба, взвизгнув тормозами, остановились в полуметре от нее... Колумб уже выбрал лучшие слова для того, чтобы выразить всю глубину своих чувств, как женщина подскочила к машине и уставилась на него бездонными темными глазами.

— На вокзал, — решительно открывая дверцу автомобиля, приказным тоном выпалила она.

Колумб, чуть задумавшись, молча кивнул головой.

Когда тронулись, беспардонная пассажирка глубоко вздохнула, как бы стряхивая с себя сильное волнение.

— Успеем, — успокоил ее Колумб и, чтобы как-то отвлечь ее, свернув в переулок, спросил: — Мне жена рассказывает, что ходит у нас здесь по магазинам гипнотизерша, усыпляет продавщиц и они ей сами свои драгоценности отдают. Вот интересно, как она это делает?

Женщина только плечами повела, улыбаясь своим мыслям.

— А еще жена говорит, что она начертит пальцем крест на столе, а потом пепел от сожженной записки, прямо как заговоренный, на этот крест раскладывается... Чудеса да и только!

— Ну, чудеса уметь делать надо, — откликнулась женщина. — Палец сначала слюной намочи и черти что хочешь. Мокрый *след* остается... Ну, к нему пепел и липнет.

— Ловко.

— Эй, красавец, а куда мы едем?

— Да приехали уже, — ухмыльнулся Колумб, тормозя у отделения. — Выходим, гражданка, только без фокусов. И предупреждаю — я гипнозу не поддаюсь.

Долго еще потом загордившийся Колумб гипнотизировал сослуживцев рассказами о том, как он хитроумно вычислил, лично задержал и расколол преступницу, которая, как оказалось, к тому же пребывала и во всесоюзном розыске за мошенничество. Гипнотизировал до тех пор, пока не получил звание капитана.

1977 г.

Насупившись и тяжело дыша, прокурор Корчак хмуро слушал сбивчивый рассказ супругов Шуляковых. Его грузная фигура, втиснутая в выдавшее виды деревянное полукресло, на фоне подпиравшего его спереди угловатого фисташкового цвета письменного стола выглядела достаточно нелепо. Под весом главного законника района хлипкий артефакт периодически поскрипывал, а разошедшийся стол работы современных мастеров мебельного дела слегка пошатывался, создавая в кабинете дополнительное напряжение, которое от надрывно-драматического повествования Шуляковых и без того угрюмо витало в воздухе.

Судя по всему, обоим заявителям было уже около пятидесяти. Женщина, болезненно полная, рассказывая, что привело ее к прокурору, непрерывно рыдала. Муж ее, тщедушный и робкий на вид, с тоской в глазах уговаривал жену не плакать и только поддакивал ей, повторяя все время бессмысленную фразу «Вот ведь оно как...». Корчака он почему-то называл «гражданин прокурор», словно обвиняемым был он, а не их сын, о котором шла речь.

Конечно же, такое обращение Сидору Артемовичу Корчаку очень не нравилось, но он, набравшись терпения, сопел, молчал и слушал. Это был его первый личный прием граждан на новом месте работы в качестве прокурора района. Прежний прокурор так торопился побыстрее переехать в областной центр, что даже не успел забрать свой форменный прокурорский костюм, с четырьмя маленькими звездочками в петлицах. Он, скукожившись, сиротливо висел на рогатой раскоряченной вешалке, стоящей в углу кабинета. А может быть, и не забыл. Просто решил, что вицмундир, сшитый из недорогого шевиота, больше ему не понадобится. Ведь он теперь стал инструктором обкома партии и готовился к куда более серьезной карьере...

Шуляковы впервые обращались в прокуратуру. И обращались потому, что на хорошего столичного адвоката у них просто не было средств. Да и где было взяться ему в маленьком захолустном райцентре. Вот и посоветовали соседи: «Идите к прокурору. Там хоть денег платить не надо. Может, он поможет...» Простые рабочие, они трудились на местной ткацкой фабрике. Там же механиком-наладчиком работал их сын Сергей — он был их единственной радостью и надеждой. Потому что старший сын Шуляковых Николай, офицер-пограничник, который был гордостью семьи и примером для младшего брата, погиб несколько лет назад на китайской границе. И вот теперь они могли потерять и младшего сына, потому что его обвиняли в убийстве. Мало того, он сам во всем признался.

Не проявляя никаких эмоций и не перебивая заявителей, Корчак достаточно сдержанно дослушал убитых горем родителей. Убийство произошло в городском саду на танцплощадке, или «Жабе». Так по-простому называла это место молодежь. Один из танцующих, а звали его Борис Скачков, вдруг упал. Другой молодой человек, расталкивая людей, бросился бежать. Скачков держался за живот, сквозь пальцы его текла кровь. До больницы его живым не довели. Сергей, как утверждала Шулякова, которой и в голову не приходило что-то скрывать, пришел в тот день домой поздно, рубашка его, самая любимая голубая, была в крови. Он сказал, что подрался с какими-то парнями, был чем-то сильно расстроен, замочил сорочку и сразу же лег спать.

А через два дня за Сергеем пришла милиция. Его обвинили в совершении убийства. Он сразу признался. Рассказал, что в тот вечер подрался как раз с убитым, тот разбил ему нос и

всячески оскорблял. Увидев потом на танцплощадке обидчика, он не сдержался, подошел сзади, ударил его ножом и убежал. По дороге выбросил нож в кусты. Нож нашли, и это был действительно нож из дома Шуляковых...

Мать рыдала, повторяя, что Сергей не мог убить и что она не переживет, если его посадят, муж ее только качал головой и постоянно повторял свое «Вот ведь оно как...».

Корчак, человек уже немолодой, проработавший только прокурором района пятнадцать лет, в делах прежде всего видел трудности, а уж потом перспективы, сидел и думал: «Второй день как на новом месте, а жизнь сразу на прочность проверяет, такие сюрпризы подкидывает. Улики налицо и собственное признание — с ними не поспоришь. Да еще и заключение экспертизы тоже не в пользу обвиняемого. Все это, наверное, учитывал мой предшественник, направляя дело в суд». Но сердце у Сидора Артемовича сразу же после ознакомления с надзорным производством по делу как-то неприятно сжалось, и сомнения стали терзать его душу. И это было неспроста... К тому же он был не тот человек, который просто так, без проверки доводов, мог положиться на чье-либо мнение. Он привык лично изучать все дела, которые им направлялись в суд. При малейшем сомнении сам допрашивал обвиняемых. И что он мог сказать Шуляковым? Да ничего... Ведь дело он не изучал, и оно уже было назначено судом к слушанию.

Вечером в доме для приезжих, где он временно разместился до получения жилья, поглядывая одним глазом в телевизор, Корчак думал о том, что Шуляковы простые и бесхитростные люди и выгораживать сына-мерзавца никогда бы не стали. Правда, они могли заблуждаться. Ну уж больно велика была вера матери в невиновность сына. И он чувствовал какой-то дискомфорт от того, что не смог ответить аргументированно на их вопросы. Это задевало его профессиональное самолюбие.

Ночь прошла тревожно. Несколько раз Корчак просыпался, вставал и пил воду. Снились ему Шуляковы, его коллеги с прежнего места работы и прокурор-предшественник, который якобы его вызывает в обком партии для отчета и назидательно учит жить.

Утром Сидор Артемович, ничтоже сумняшеся, твердо решил лично участвовать в судебном рассмотрении дела по обвинению Сергея Шулякова в убийстве, чем очень удивил всех работников прокуратуры и председателя суда. Но еще больше удивил новый прокурор всех, когда после допроса подсудимого попросил суд вернуть дело на дополнительное расследование. И к тому, с точки зрения Корчака, были все основания...

Во-первых, очень поразило Корчака то, что на приобщенном в качестве вещественного доказательства кухонном ноже, которым, по версии следствия, было совершено убийство, не было обнаружено никаких следов крови. Но следствие объясняло это тем, что поздно ночью шел дождь и смыл всю кровь с орудия убийства.

Во-вторых, один из свидетелей, Тимофей Болаболов, утверждал, что человек, который бежал с танцплощадки, был в желтой рубашке. Тогда как Шуляков был одет в голубую сорочку.

В-третьих, подсудимый, на вид совсем юный, худой, светловолосый парень, хотя и показался ему нервным и обидчивым, но держался удивительно твердо. О происшедшем рассказывал четко и ясно. Вот видит обидчика, вот бьет его ножом, вот бежит, вот бросает нож в кусты, вот приходит домой, наконец, стирает рубашку... Зачем-то раз упомянул погибшего брата Николая. На наводящие вопросы адвоката, пытавшегося вывести Шулякова из-под удара и хоть как-то смягчить его обвинение, вообще никак не реагирует. Напротив, полностью признавая свою вину, как по заученным нотам все то же повторяет снова.

И только один раз, когда мать зашла в рыданиях и на весь зал запричитала: «Не ве... е... рю... ю, не ве... е... рю... я в это!!!» — Шуляков закрыл глаза и, тяжело сплотив подошедший к горлу комок, тихо прошептал: «Мама, не надо, не плачь... Я тебя очень прошу...»

И все это не прошло мимо внимания многоопытного Корчака — уж очень это походило на самооговор. Ну почему он это сделал? Это предстояло выяснить!

Суд удовлетворил ходатайство прокурора и вернул дело на дополнительное расследование.

Как только дело поступило в прокуратуру района, Сидор Артемович поручил его расследование другому следователю, а сам в тот же день вызвал на допрос Шулякова. Он вспомнил, что наиболее продуктивным методом воздействия на обвиняемого в таком случае считается рациональное убеждение, направленное на создание мотивации для сообщения правдивых сведений. То есть, говоря не суконным, а человеческим языком, надо попытаться поговорить с Шуляковым по душам и убедить его, что ему следует сказать правду. Пусть ему свою жизнь почему-то не жалко, но он должен осознать, что преступник будет гулять на свободе и совершать новые преступления, а суровый приговор может просто убить его мать...

Обо всем этом Корчак сказал парню во время допроса, но тот сидел, уставившись в пол, и, не поднимая глаз, твердил свое:

— Я это сделал. Я...

Допрос, который провел новый следователь, тоже ничего не дал. В прокуратуре района об этом узнали и стали шушукаться по кабинетам, ерничать. Из прокуратуры области тут же прислали зонального прокурора следственного отдела, чтобы он изучил дело и разобрался в ситуации. Тот попытался убедить Сидора Артемовича в поспешности поступка. Но не тут-то было!

На вид грузный и неповоротливый, Корчак был человеком холерического темперамента и быстрой реакции. Хотя среди прокурорской братии и не слыл скорохватом. Природная мудрость постоянно сдерживала его буйный нрав, давая возможность сначала все обдумать, а затем уже принимать хорошо просчитанные и взвешенные решения, — а на это всегда требовалось время. Наверное, поэтому по тем делам, к которым он прикладывал руку, никогда не было лиц, незаконно арестованных и оправданных судами. В то же время Сидор Артемович совершенно не терпел, когда кто-либо бесцеремонно или некомпетентно вмешивался в его профессиональную деятельность, и сразу давал по сусалам, невзирая на должность, звание и заслуги.

И в этот раз Корчак как кремень стоял на своем. И не только стоял... Он действовал — интересовался связями обвиняемого, его друзьями, знакомыми, увлечениями, поведением. И кое-что узнал. Например, ему удалось выяснить, что Сергей Шуляков был тихий и нелюдимый. Болезненно застенчивый. В армию не взяли по здоровью. Корчак даже консультировался с психологом — мог ли такой человек вообще взяться за нож? Доктор ответил туманно: в обычной ситуации, конечно, нет, но вот в состоянии аффекта, кем-то подстрекаемый, мог и сорваться, не отдавая себе отчета, что делает...

Единственным ярким моментом в жизни Сергея был брат, офицер. Он был для него иконой. Приезд брата всегда становился главным праздником в семье. Когда он погиб, Сергей переживал страшно и с тех пор всегда носил с собой его фотографию в военной форме.

— Парень загнал себя в угол, — размышлял Корчак, — и уже не может отыграть назад. Но почему?.. Брат!.. — вдруг осенило Сидора Артемовича. — Тут что-то связано именно с братом Николаем, — интуитивно почувствовал он и сразу же стал выяснять, кто дружил с Николаем, кто служил с ним и пересекались ли пути-дороги Сергея с этими людьми. Вскоре он выяснил, что на «Жабу» иногда захаживал ранее судимый сослуживец Николая Илья Рыженко. В день убийства его тоже видели здесь. И на нем была желтая рубашка. После случившегося Рыженко исчез из города и больше не появлялся. Допрошенный еще раз, но уже новым следователем, свидетель Болаболов, осмотрев фотографии Рыженко, с большой долей вероятности утверждал, что убегающий в желтой сорочке парень издалека внешне был очень похож на Илью.

— Да... а... а... Судя по всему, Рыженко еще тот фрукт. Крученный парень, — подумал вслух Корчак и немедленно поручил следователю выяснить, не проходит ли он еще где-нибудь по делу.

Вскоре следователь доложил, что проходит — по делу Буркина, обвиняемого по статье 208 Уголовного кодекса УССР (а все эти события происходили на Украине) в вовлечении несовершеннолетних в занятие азартными играми. И что самое интересное — Буркин, характеризуя Рыженко как азартного картежника, сообщил следствию, что тот был хорошо знаком с убитым Скачковым. Они неоднократно бывали у него в доме и играли на деньги в карты. Но не так давно поссорились...

Повторно проведенная биологическая экспертиза, тщательно исследовав разобранный на части по требованию прокурора нож, нигде не установила следов крови человека. Зато установила остатки крови животных на внутренней части деревянной ручки ножа, прилегающей к металлу. Следствие выяснило, что в день убийства мать Сергея готовила жаркое и резала им мясо. Затем помыла нож и положила в ящик кухонного стола.

Это было уже что-то. И в корне меняло вектор расследования!

Для такого матерого волка, каким был Корчак, новых установленных обстоятельств было вполне достаточно, чтобы вывести следствие на более высокий виток работы и вплотную приблизиться к раскрытию преступления. И, как уже было не раз в его долгой прокурорской жизни, именно в такие минуты обострялась интуиция, мозг искрился и дымился. Он чувствовал, как в жилах закипала кровь, а сердце начинало биться все сильнее и сильнее в ожидании сладкого для него момента. Момента истины! В это время он забывал все вокруг. Это было его время. И что было особенно интересно — многочисленные болячки переставали его терзать и уходили в подполье. А он, презрев все авторитеты, всю подневольность сложившихся стереотипов поведения и провинциального бытия, все же продирался к намеченной цели.

За такую упертость и ершистость его многие недолюбливали, поэтому выше прокурора района он так и не прыгнул. Зато преуспел в профессии. И за это его коллеги высоко ценили. В такие периоды он работал днем и ночью, отдыхая по три-четыре часа в сутки. Прокурорские шутили: «Корчак, как пружина, силен под нажимом».

Вот и сейчас, взяв все эмоции и нервы в кулак, Сидор Артемович, твердо знающий свою работу, сидел в кабинете и спокойно, по-отечески доброжелательно допрашивал Сергея Шулякова:

— ...Значит, говоришь, так запросто взял нож и убил человека. А вот матушка твоя утверждает, что ты даже птичку божью обидеть не можешь... Да, кстати, вот заключение экспертизы... Возьми его... Возьми и почитай-ка его во... о... от отсюда...

Шуляков не спеша, не проронив ни слова, очень внимательно ознакомился с выводами экспертов и, потупив взор, молча вернул бумаги прокурору. Корчак видел, как парень напрягся.

— Скажи мне, пожалуйста, — так же спокойно продолжил прокурор, — когда ты последний раз видел Илью Рыжова?

Парень резко вскинул голову, глаза его округлились. Он сглотнул слюну и зарделся. Корчак понял, что попал в яблочко. Но ответить на вопрос Шуляков не успел, так как в этот миг раздался телефонный звонок из приемной. А это означало только одно — случилось что-то чрезвычайное. Беспокоить шефа, когда он проводит следственные действия, секретарь по инструкции могла в самом крайнем случае.

Корчак недовольно нахмурил брови и одновременно с Шуляковым покосился на телефон. Он видел, что тот момент, который он готовил, наступил: надо «брать быка за рога» — парень «поплыл», еще немного, и он, скорее всего, начнет колотиться. А тут этот телефонный звонок... Вначале Сидор Артемович решил проигнорировать его, но потом что-то екнуло, и он, не спуская глаз с обвиняемого, снял трубку. Из приемной звонил следователь, в производстве которого находилось уголовное дело Шулякова. Он сообщил, что мать Сергея только что «Скорой» доставлена в больницу в предынфарктном состоянии. Родительница слезно просила прокурора разрешить свидание с сыном. «Хоть бы одним глазком перед смертью на Сереженьку посмотреть — не виноват он ни в чем... Не виноват...» — упорно твердила женщина.

Сидор Артемович повесил трубку, выдержал небольшую паузу и, укоризненно глядя в глаза Шулякову, сказал:

— Вот до чего доводит твое упрямство... Я тебя предупреждал... Себя не жалко, так хоть бы мать пожалел.

Парень встрепенулся и заинтересованно спросил:

— А что с мамой, что с ней случилось?..

— Случилось то, что и должно было случиться... Испереживалась за тебя, вот сердце и не выдержало.

— Она жива? — испуганно вскинулся Сергей. И Корчак увидел, как лоб его покрылся испариной.

— Жива... — отрезал Корчак.

Связавшись с больницей и поинтересовавшись состоянием здоровья Шуляковой, он продолжил допрос обвиняемого, теперь уже ясно понимая, что у него появился еще один, и очень важный, аргумент. И этот аргумент по своей мотивации был настолько сильным, что он сразу же изменил тактику допроса. Прокурор перестал давить на парня логикой и уличать его в дезинформации следствия. Он сочувственно смотрел ему в глаза и ждал, когда тот теперь сам откроется.

Расчет Корчака оправдался. Узнав, что благодаря своевременному вмешательству врачей матери стало лучше, Шуляков немного успокоился, чувство вины перед родительницей и боязнь за ее здоровье толкали его навстречу событиям, к диалогу с прокурором.

И когда взывающий о помощи, его виновато-растерянный взгляд поймал Корчак, он сразу же приступил к последней, решающей стадии допроса.

— Ну, если раньше только мать не верила и своим материнским сердцем чувствовала, что это не ты совершил убийство, то сейчас этой точки зрения и мы придерживаемся. И к этому у нас теперь есть все основания. Доказательств сейчас достаточно... Вопрос

только времени... Ну так что, будем и дальше в кошки-мышки играть или всю правду сразу выложишь и пойдешь матушку проведывать? Для нее увидеть тебя на воле — это теперь самое лучшее лекарство.

Шуляков, как бы взвешивая все «за» и «против», на какое-то мгновение сосредоточился, пристально посмотрел на прокурора и закрыл глаза. Затем, поджав подбородок и опустив голову, он подпер ее обеими руками и сквозь зубы, но совершенно членораздельно процедил:

— Пишите!..

И через мгновение он захлеб рассказывал, что произошло на самом деле... Да, сначала была драка. Хотя какая там драка! Двое здоровых парней решили поиздеваться над ним. Вот и все. Разбили нос. Он сидел под деревом, пытался унять кровь, когда к нему подошел знакомый, Илья Рыженко спросил, что случилось. Выслушав, выругался и сказал, что, если бы этот гад знал, что брат Сергея жив, он, конечно же, не посмел бы тронуть его. Потом добавил: ладно, мы еще с ними разберемся...

Вскоре после этого Сергей пошел домой. Проходя мимо «Жабы», он столкнулся с выбегающим оттуда Ильей. Тот ему крикнул: «Беги!» И он побежал. А утром к нему пришел Рыженко и сказал, что это он убил обидчика Сергея. Все дело в том, что он служил в той же части, что его брат, который умер фактически у него на руках и, умирая, все время говорил, что теперь его братишку и защитить некому...

Илья вздохнул:

— Я ведь убивать не хотел. Так подошел — потолковать, объяснить, чтобы они тебя больше не трогали, потому что будут иметь тогда дело со мной. А он выступать стал. Ну, слово за слово...

Сергей слушал с замиранием сердца. Оказывается, есть на этом свете человек, который может не дать его в обиду! Который сам вступился за него!

— А теперь мне — кранты. Вышка светит, — сплюнул Илья. — У меня уже судимость есть — за драку. Я тогда за девушку вступился... А теперь скажут: рецидивист. Ну и отпустят по максимуму...

И тогда Сергей вдруг сам предложил:

— А давай я скажу, что это я...

— Что?

— Ну, ножом ударил. За то, что он меня избил... Мне-то по максимуму наверняка не дадут...

Илья задумался.

— Да. Ты, наверное, прав. Тебе точно много не дадут. А с учетом, что ты молодой еще, один сын в семье, брат у тебя погиб геройски... И потом они первые на тебя набросились... В общем, могут года два-три дать, да и то потом освободят...

Илья оценивающе посмотрел на Сергея:

— А не сдрейфишь? Когда в следственный изолятор сунут, колотья не начнешь?

— Братом клянусь! — весь дрожа от возбуждения, воскликнул Сергей.

Он чувствовал себя в этот момент настоящим мужиком, который спасает друга своего брата, человека, который не побоялся вступить за него.

Два дня они с Рыженко отработывали, как нужно вести себя, какие показания давать. Согласовывали детали, маршрут движения, выбрали на кухне нож и спрятали в кустах.

Рыженко подробно рассказал, как он подошел к обидчику, какую музыку в это время играли...

Сергей чувствовал себя героем. «Показания» выучил наизусть.

Корчак слушал его и думал о том, как странно складывается человеческая жизнь — самые сильные и высокие чувства привели Сергея Шулякова к решению выгородить убийцу.

Вскоре Рыженко задержали. Выяснилось, что убитый Скачков проиграл ему в карты большую сумму денег. Очередные разборки на танцплощадке еще более обострили их отношения. Скачков заявил, что денег у него нет и отдавать их в ближайшее время не собирается. В гневе Рыженко убил своего должника. Его судили и дали пятнадцать лет. Процесс имел большой резонанс. Благодаря ему Шуляков стал в городе первым парнем, от девушек отбоя не было, а Корчак выбился в тяжеловесы.

Где-то через месяц после процесса Сидор Артемович встретил на улице отца Сергея. Тот кинулся благодарить его, а потом с горечью сказал:

— Вам, товарищ прокурор, конечно, большое спасибо, что вы сына спасли. Только я вот себя простить не могу, что не обратил внимания на все эти мелочи и нестыковки и поверил, будто мой Сережа убийца. Вот ведь оно как! Вы — человек посторонний, все заметили и не поверили, а я, отец родной, поверил...

Он махнул рукой и побрел куда-то.

А Корчак подумал, и вправду «вот ведь оно как» — нет мелочей в следствии, все имеет значение. Ну а сердце матери уж точно никогда не обманет.

1978 г.

Прокурор Горелецкого района Владимир Данилович Позняк, мужчина сорока пяти лет, выглядящий значительно старше своего возраста, с суровым и решительным выражением лица, ехал с очередной проверкой в местную женскую колонию. Ехал в форме, ибо считал, что форма не только дисциплинирует внутреннее содержание всех прокурорских работников, но внушает окружающим уважение. Бывал он в этой колонии уже не раз и не рассчитывал увидеть что-либо новое. Долго задерживаться прокурор не собирался, наоборот, рассчитывал вернуться пораньше, сразу после обеда, дабы успеть на важное совещание в райкоме партии.

Выбравшись из городских закоулков, шофер дал газу, и машина покатила по асфальту плавно и ровно, так что приятно было ощущать это сильное движение.

Солнце уже растолкало утреннюю пасмурную дымку и умяло ее за кромкой леса. Небо как-то сразу посветлело и стало стремительно, прямо на глазах наливаясь пронзительным синим цветом, обещая один из тех коротких, но ясных дней, какие бывают только в последнее предзимнее время. Глядя на это дивное преобразование, Позняк даже перестал думать о перебоях в сердце, которые ощущал уже несколько дней. И даже негромко засвистел какой-то прицепившейся мотивчик. Шофер удивленно посмотрел на обычно всем недовольного и неприступного шефа и на всякий случай бросил взгляд в зеркало заднего вида. Он не мог знать, что настроение у прокурора было такое потому, что решение о давно ожидаемом повышении и даже его переводе в область должно было состояться буквально на днях. И это событие здесь и в области вряд ли бы кого удивило, ибо повышение это было вполне заслуженное. Владимир Данилович уже много лет считался, что называется, сильным работником.

В колонии Позняк сначала зашел к начальнику колонии, суетливому и чрезвычайно услужливому мужичку. Поговорил с ним. Принял записавшихся на прием осужденных. Потом в сопровождении начальника колонии и его заместителей отправился в столовую, спальные помещения, мастерские. Все было как обычно.

В крайнем бараке прокурор увидел старушку, этакий божий одуванчик, которая сидела на кровати и чему-то улыбалась. В другое время Позняк бы наверняка прошел мимо, а тут, несмотря на то что спешил, чего-то остановился.

— За что сидишь, мать?

Старушка быстро, как кошка лапой, обмахнула сморщенное лицо, промокнула концами белого в крапинку платка слезившиеся глаза, аккуратно поправила платок, прикрыв зеленоватые провалы на висках, и, улыбнувшись, ответила:

— Так за карманку, гражданин начальник. Вытащила в автобусе кошелек, а в нем три рубля. Ну, меня сюда и определили на три года.

— И много осталось?

— Еще полгода — до весны буду тут.

— Понятно. Ну, недолго уже. Освободишься, не воруй больше, — наставительно сказал Владимир Данилович. Уже когда вышли из барака, начальник колонии со смешком покрутил головой. Позняк подчеркнуто недоуменно покосился на него.

— Вы, товарищ прокурор, наверное, подумали, что Бредихина, старушка эта самая, прямо такой божий одуванчик. А она на самом деле — рецидивистка. Да-да, самая

настоящая... Это у нее четвертая ходка. Если все срока посчитать, лет десять наберется. Работает везде — в автобусах, магазинах, на вокзале промышляет...

— Кто бы мог подумать, — покачал головой Позняк. Он уже спешил в город и был погружен в свои привычные в последнее время мысли.

Прошел почти год. Владимир Данилович по-прежнему сидел в своем кабинете и рассеянно листал милицейскую сводку. У него было чемоданное настроение — завтра начинался отпуск. И они с женой уезжали в Коктебель, в пансионат «Голубой залив». В ожидании конца рабочего дня Позняк с нетерпением поглядывал на часы, но те будто замерли. В этом сезоне ему, как никогда прежде, хотелось побыстрее уехать отсюда, добраться до моря. Окунуться в его прохладный аквамарин и забыться. И к тому были основания...

Прошедший год для него был очень непростым. На давно ожидаемое повышение он так и не пошел. Какой-то доброжелатель пронюхал о будущем назначении и стал строчить анонимки. Начались бесконечные проверки, и все затормозилось. Его вопрос завис. Вначале это сильно подействовало на Позняка. Он переживал, нервничал, а потом вдруг смирился, махнул рукой — нет так нет. И нужно отдать должное Владимиру Даниловичу, руки он не опустил. Продолжал действовать строго и решительно: злодеям в страх, как он любил шутить, а добрым людям в покровительство.

Вдруг в сводке его внимание привлекла фамилия, показавшаяся ему знакомой. Бредихина Лидия Ивановна... Профессиональная память, которой он, кстати, очень гордился, тут же подсказала — старушка, божий одуванчик из колонии, которую начальник назвал рецидивисткой. Позняк внимательно прочитал сообщение. Гражданка Бредихина, освободившаяся из колонии несколько месяцев назад, задержана при выходе из универмага, где украла широкополую шляпу с вуалью. Вот уж и впрямь рецидивистка — только из колонии, а ее опять поймали на краже. Но зачем ей шляпа с вуалью? Вспомнились ясные безгрешные глаза Бредихиной... Что-то тут не так, чутьем опытного прокурора почувствовал Позняк. Не слишком задумываясь, зачем он это делает, позвонил в милицию и попросил доставить ему задержанную.

Через полчаса молоденький милиционер ввел в кабинет прокурора старушку.

Устроившись на стуле, та поправила все тот же платок в крапинку и безмятежно улыбнулась.

— Как же так, Лидия Ивановна? — укоризненно сказал Позняк. — Только вас выпустили, а вы опять... В ваши-то годы.

— А я тебя сразу признала, сынок. Ты в зону к нам приезжал...

— В колонию, — поправил ее Позняк.

— Ну да, в нее. Вот ты меня туда, сынок, и определи снова...

— Что значит определи! — пожал плечами Позняк. — Такие решения принимает суд. А я могу только определить — есть состав преступления или нет. Вот только мне одно непонятно, Лидия Ивановна, зачем вам понадобилась эта шляпа. Да еще и с вуалью? И как это вы собирались ее незаметно вынести из магазина? Ведь широкополая шляпа — это не катушка ниток!

— А я и не собиралась ее прятать, сынок. Надела, чтобы лучше видно было, эту шляпу на голову и пошла невозмутимо мимо кассы. Они не заметили. Тогда я взяла ее и на манекен, который тут же стоял, надела. Вот тогда меня и схватили.

— Погодите... Объясните мне, все же зачем вы это сделали?

— Ну как зачем. Зима скоро. Пора в зону возвращаться, там забот никаких. Все за тебя решают. Одевают, кормят. А что мне еще надо, старому одинокому человеку. Так что виновата, сынок, виновата я и готова отвечать за эту кражу по всей строгости советских законов.

— Да... Интересно. Очень интересно получается... — лукаво улыбнувшись и кашлянув, протянул Владимир Данилович. — А вы знаете, уважаемая Лидия Ивановна, — откинувшись в кресле и свысока глядя на Бредихину, продолжил Позняк, — если верить вашему признанию, в действиях-то ваших нет состава преступления.

— Это ж почему... Ведь я уже все признала...

— А потому, что хищение — это по нашему советскому закону незаконное изъятие в свою пользу или в пользу других лиц каких-либо материальных ценностей, но обязательно из корыстных мотивов. А из вашего рассказа я эти корыстные мотивы и умысел на присвоение не усматриваю.

— Батюшки! Товарищ прокурор... Что ж это такое получается? Выходит, законы у нас какие-то не для людей...

— Эх, мать... При чем тут законы... Законы у нас вполне нормальные, и дело не в них, а в людях, которые их применяют. Так что я вас выслушал, теперь ознакомлюсь еще с материалами проверки и, если это действительно так, как вы говорите, скорее всего, отпущу, — прервал старушку Владимир Данилович и демонстративно открыл материалы проверки, лежащие у него на столе. — Живите на воле да глупостями больше не занимайтесь.

Глаза старушки налились слезами.

— Да как же нет, сынок? Как же умысла нет? И это никакие не глупости. Что же я ее так просто взяла, шляпу эту? От нечего делать? В беспамятстве?

— Может, и в беспамятстве. Возраст-то уже солидный...

— В том-то и дело, что возраст. Мне уже в автобус подняться нет сил. Раньше-то я все в автобусах чужое брала. Там никуда не денешься — сразу забирают. А теперь не могу в туда залезть, скрип в костях появился, вот и пошла в универмаг. Пойми ты меня, дорогой человек, мне давно уже на воле делать нечего. Пропадаю я тут, в подъездах сплю. А в колонии мне хорошо. Я тебе уже говорила. Кормят, лечат, одевают. Опять же, подруги у меня там. А на свободе у меня никого, никому не нужна.

— Что, родных никого?

— В том-то и дело. Муж давно умер. Был сын, Тимофей, да уж нет его сколько лет.

— А что с ним случилось?

— Посадили.

— За что?

— А он шевбутной был у меня, добрый, да безголовый. Все колготился чего-то, помогал всем и каждому, да только без толку. И в жены взял такую злыдню, что хоть караул кричи. Она не только меня, весь мир ненавидит.

— Так что с сыном случилось?

— А его, дурака безответного, друг попросил помочь мешки с цементом на машине отвезти, а цемент-то оказался краденый с завода... Ну и дали им по многу лет — за хищение государственной собственности...

— Погоди, значит, Тимофей Бредихин — твой сын?

— Ну да...

Позняк прикрыл глаза. Это было его первое дело на прокурорско-следственном поприще. Тогда прокурор района вызвал его и объяснил, что от первого дела во многом зависит его будущее — это, дескать, его визитная карточка, и на прощание авторитетно добавил: «Дело должно быть что вдоль, что поперек!» И Володя Позняк старался. Как мог. Ночами работал, чтобы вложиться в процессуальные сроки. И вложился. И пошел Тимофей Бредихин как соучастник, член преступной группы, похищавшей государственное имущество...

— А в колонии-то он не выжил, — услышал Позняк беззлобный голос Бредихиной. — Там бунт случился, вызвали солдат, а Тимофей и полез впереди всех... Ну жена его, когда пришло извещение, что погиб он, меня из дома сразу и выгнала. Да я и сама бы с ней жить не смогла — того и гляди кипятком ошпарит. В общем, первый раз я в автобусе украла от голода, когда уже не соображала ничего. Ох, как же тяжело было первое время в колонии, один Бог знает. А потом, когда прижилась там, присмотрелась, стала воровать уже для того, чтобы туда вернуться... Больше мне, сынок, деваться некуда. Сегодня мне куда идти? Вон, гляди, за окном холодный дождь хлыщет. Где я кусок хлеба возьму? Так что отправляй ты меня туда, бога ради!

Позняк внимательно посмотрел в ее выцветшие, словно уже ничего не видящие глаза. Потом твердо сказал:

— Ладно, мать. Давай так, ты сегодня в изоляторе переночуй, а завтра посмотрим, что с тобой делать. Может, удастся в дом престарелых пристроить... Что ж тебе, и помирать в колонии? Не по-нашему это, не по-советски как-то выходит...

— Да мне-то уже не до того, сынок. Какая разница, где помирать. Вот жить — другое дело...

В это время раздался телефонный звонок. Звонил прокурор области — сам Трофим Кондратьевич Черепанов. Сообщил, что принял решение назначить Позняка своим заместителем. От такого предложения у Владимира Даниловича перехватило дыхание. Ведь в душе он уже давным-давно похоронил все надежды на повышение. Прокурор, видать, куда-то спешил, поэтому разговор был коротким. Обычно многословный, Черепанов на сей раз скороговоркой известил его, что ему сегодня же следует срочно прибыть к нему, чтобы еще до отпуска оформить все необходимые для представления в Москву документы. И будет ждать он его после шести.

Закончив разговор, Владимир Данилович тут же распрощался с Бредихиной и вызвал служебный автомобиль. Но прежде чем отправиться в областной центр, позвонил начальнику райотдела, Петру Акимовичу Дятлову, с которым у него за долгие годы службы сложились добрые отношения. Не обсуждая деталей, Позняк поставил ему задачу — завтра же разобраться с Бредихиной и как можно быстрее решить вопрос о ее устройстве в дом престарелых. При этом он безапелляционным тоном заявил, что в ее действиях состава преступления не усматривает и в возбуждении уголовного дела здесь следует работникам органов внутренних дел отказать.

Отгуляв отпуск и приняв новый пост, Позняк где-то через два месяца опять появился в родных пенатах. Начальник райотдела встречал его на самой границе района. Встречал по-милицейски шумно. Открыв бутылку шампанского и разлив его по бокалам, Дятлов в честь дорогого гостя три раза прокричал «ура!». Владимир Данилович задерживаться не стал и предложил коллеге доехать до райцентра вместе с ним на его новенькой черной «Волге». Тот был счастлив. Правда, посадил Позняк его рядом с водителем, а сам сел на заднее сиденье.

Как только машина тронулась, Позняк спросил:

— Ну доложи мне, Петр Акимович, дело Бредихиной ты довел до логического конца?

Начальник райотдела, сидящий вполоборота к Владимиру Даниловичу, хмыкнул, еще больше повернулся в его сторону, сунул раскрасневшуюся физиономию между передними сиденьями и затараторил:

— Владимир Данилович, докладываю вам: я тогда все сделал, как вы велели. Сам посмотрел все материалы и в который раз убедился в том, что вы абсолютно правы — не было там, понимаешь, состава преступления. Гражданку Бредихину мы отпустили, и я, не без труда правда, устроил ее в дом престарелых.

— Ну что ж, молодец, Петр Акимович. Нам нужно за каждого советского человека бороться, невзирая на его социальный статус и возраст.

— Так-то оно так, Владимир Данилович, но я вам откровенно скажу: ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Как она нас с вами костерила...

— Кто костерил? — неподдельно удивился Позняк и насторожился.

— Ну кто еще... Бредихина. Называла нас глухарями бесчувственными. Ведь она буквально через неделю сбежала из дома престарелых, да еще, понимаешь, и деньги чужие с собой прихватила, причем не маленькие, ну и пошла опять под суд.

— Мда... а... а... — недовольно промычал Позняк, тяжело вздохнул и насытился.

Нахмутив брови и поджав губы, он каким-то совершенно отстраненным взглядом сначала посмотрел на Дятлова, потом еще раз вздохнул и уставился в окно.

Белесые косы первой в этом году обломной метели, пританцовывая, кружились и заметали бескрайние степные просторы, а Владимир Данилович смотрел сквозь них и думал о том, что когда-то, в такое же бессезонье, по этой же самой дороге, но только лова дрожака в кузове попутной полуторки, он добирался к своему первому прокурорскому месту службы. И первым делом его тогда было дело Тимофея Бредихина. А теперь судьба как бы напомнила ему об этом, сведя с матерью Тимофея. Она будто бы предлагала ему искупить его обвинительное усердие и проявить заботу об одинокой старушке.

И вдруг перед ним возник лик его набожной матери. Уж очень она не хотела, чтобы он «шел в законники» и «людей судил». Ибо считала, что «суд настоящий и праведный только там, у Него». Но когда он все же послушался ее воли и стал прокурором, она ему сказала: «Помни, сынок, несправедливые решения виноватых творят, судьбы ломают. Не бери грех на свою душу. Если не знаешь, как поступить по закону, — поступай по совести. Низко преступление, а человек достоин сожаления».

— Ну хорошо... — придя в себя, спохватился Позняк. — А вот скажи мне, Петр Акимович, ты хоть выяснил, почему Бредихина сбежала из твоего дома престарелых? Может, ее оттуда выжили? Еще и провокацию устроили?

— Да как же так, Владимир Данилович... Обижаете, — по-милицейски браво начал докладывать Дятлов. — Во время следствия я лично с ней встречался, все подробно расспрашивал. Никакой провокации...

— Не фанфаронь... не фанфаронь... — перебил его Позняк. — Задал я тебе вопрос — отвечай на него прямо. И не крути. Знаю я. Все знаю. Знаю и то, что наш дом престарелых это далеко не школа гуманизма и не санаторий. Ведь директора в том году не зря по моему представлению сняли. Все под себя греб. Жить в этом заведении, конечно, можно, но смотрение за ним надо иметь постоянное и накрепчайшее.

— Вот, вот... Правильно вы все говорите, Владимир Данилович. Жаль только, что

Бредихина не оценила всего этого. А наоборот — охаяла. Утверждала, что атмосфера там, понимаешь, хуже, чем в колонии. Вокруг одни брюзгливые старикашки, которые с утра до ночи с клизмами возятся и о болячках говорят. Душу, видите ли, ей там отвести не с кем...

— Давай ближе к делу. Не тумань, — нетерпеливо прервал его Позняк. — Чем вся эта история закончилась?

— Ну я же вам уже докладывал... Дело в суд направили. Привлекали ее за кражу личного имущества граждан.

— А прокурор что же, Воскобойников?

— Воскобойников? Да ничего... Парень хоть и молодой, но очень старательный. Хорошего вы себе сменщика вырастили, Владимир Данилович. Ваша школа. От ответственности, понимаешь, не уходит. Сам утвердил обвинительное. Не стал на зама перекладывать. Ну вы же знаете, как это обычно бывает. Лично в суде выступал. Правда, просил как рецидивистке дать ей по максимуму. В общем, все строго в рамках закона было. Бредихина даже после зачитания приговора, кроме нас с вами, всех благодарила за божескую милость. В особенности нового прокурора...

— Какая школа... — вздохнул Позняк. — Дурь это, а не школа. От молодости лет. От отсутствия опыта. Ведь недаром говорят: «Кто не был молод, тот не был глуп». Вот и мы с тобой еще тогда упустили Бредихину... Когда она с голодухи свою первую кражу совершила. Ни мы, ни хваленая общественность наша не смогли в ней вовремя спасти человеческое в человеке. Так что Бредихина — это крест наш с тобой. Крест на всю жизнь.

1979 г.

Время обеденного перерыва заканчивалось. Заместитель прокурора области Вязалов посмотрел на часы и закрыл лежащую перед ним книгу. Это был труд Анатолия Федоровича Кони, в котором известный юрист давал оценки реформам царя Александра Второго. «Да-а-а, — думал Вязалов, — и тогда тоже был бардак, провели судебную реформу вразрез с внутренними потребностями губернского строя и всей административной жизни России».

Приняв валерьянку, прокурор подошел к окну и пошире распахнул форточку — не хватало еще, чтобы в кабинете пахло лекарствами, как в больнице. И без того в прокуратуре последнее время сгустилось тягостное напряжение — всем уже было очевидно, что события, начинавшиеся под бодрыми названиями «перестройка» и «гласность», набрали такой ход и мах, что остановить их стало просто невозможно, а куда они занесут общество, государство, никому не ведомо. В том числе и на самом верху. И что тут делать нам, блюстителям законности, поди разбери...

«Дождаться бы пенсии и поскорее уйти от дел», — привычно уже думал Вязалов. Тяжко было ему, кадровому прокурорскому работнику, отдавшему системе почти сорок лет на самых разных должностях, наблюдать, как рушится порядок, которому он верно служил по мере своих сил, как пропадает уважение к закону. Мало того, если почитать будто с цепи сорвавшиеся газеты, то следует, что теперь именно тот, кто закон охранял, враг перемен, а кто на них плевал, тот, оказывается, приближал реформы. И именно они, все эти уволенные, разжалованные, осужденные, теперь ходят в героях и все больше и больше прибирают к рукам власть...

От привычных в последнее время мыслей Вязалова отвлек телефонный звонок. Это был давний знакомый, секретарь обкома по идеологии Кравчук. Звонки оттуда теперь тоже стали странными. Обкомовские жаловались прокурорским на какие-то выпады в газетах и на митингах в их адрес, просили принять меры... Какие? Когда ситуация такая, то, что ни предприми, все будет не так, невпопад и только на руку критиканам и смутьянам.

Начал Кравчук уже привычно:

— Ты газеты сегодня читал?

«Так и есть, сейчас опять жаловаться начнет, — подумал Вязалов, — на какого-нибудь борца за гласность — мол, опять про нас что-то неправильное сказал и куда смотрит прокуратура». Но воспитанная годами службы привычка к субординации заставила ответить надлежащим образом:

— Смотрел.

— Значит, про этого художника, что у нас в колонии сидит и выходить по досрочному освобождению отказывается, знаешь?

— Знаю.

— Надо что-то делать... Мне уже из Москвы звонили по этому поводу. Ему, художнику этому, премий за границей надавали, а он у нас сидит. Сам понимаешь, как это все преподносится — узник совести, преследование за убеждения... Шум раздули на весь мир. Ходатайства международных фондов об освобождении поступили, каких-то ассоциаций художников-эмигрантов... А у нас сам знаешь, как теперь — раз за границей признали, значит, трогать не моги... Москва требует вопрос закрыть. Боятся, что нашему генсеку во время визита за бугор вопросы будут задавать неприятные на сей счет...

— Ну а я-то при чем? — достаточно дерзко и как-то мрачно спросил Вязалов, нутром чувствуя, что его подставляют.

Кравчук насупился и, нехорошо помолчав, с издевкой напомнил:

— А при том... Кто этого художника сажал?.. А-а? Помнишь, когда вышло постановление ЦК об усилении борьбы с частным предпринимательством и нетрудовыми доходами?

Прокурор, конечно, все помнил. Этот самый художник, Литягин его фамилия, попал тогда в поле зрения прокуратуры в самый разгар кампании по борьбе с нетрудовыми доходами. А в России, как известно, лучше попасть под поезд, чем под кампанию. Поэтому чего там лукавить — для отчета мели тогда всех подряд. И того же Кравчука информировали о проделанной работе. А тот все нагнетал. Но ведь формально-то этого художника посадили правильно, согласно действующему в то время законодательству. Кто ж знал, что через несколько лет частных предпринимателей объявят двигателями реформ, на которых вся надежда. И еще подумал Вязалов, что, если дела вдруг станут совсем плохими, тот же Кравчук сдаст его вместе с потрохами. Представит все так, будто прокуратура сама проявила тогда кровожадность и партия здесь ни при чем.

— Так что давай решай свой вопрос, — закончил разговор Кравчук и положил трубку.

В машине прокурор хмуро молчал. С шофером не разговаривал. Водитель был новый, молодой, и чутьем старого следователя Вязалов сразу угадал в нем заядлого перестройщика-демократа. А с ними лучше в разговоры не вступать — такого наслушаешься...

Тем временем шофер, не спрашивая Вязалова, включил радио. Вот еще одна примета времени. Совсем недавно ни один водитель себе такого позволить не мог — обязательно спросил бы разрешения... По радио осуждали очередных ретроградов, говорили, что активнее следует обществу бороться с привилегиями, утверждали, что в стране слишком много персонального транспорта, обслуживающего начальство. Поэтому надо, во-первых, чтобы начальство за свои деньги покупало автомобили и бензин и само на них ездило. Вот это и называется демократией. А во-вторых, это же сколько освободится персональных «извозчиков», сильных рабочих рук, которые просто горы своротят и создадут в стране полное изобилие.

Водитель слушал, довольно хмыкая, и, ядовито улыбаясь, бросал на Вязалова косые взгляды. А тот вдруг поймал себя на мысли, что ему этого молодого дурачка даже жалко. Где-нибудь, в какой-то там благополучной и законопослушной Швейцарии оно, наверное, так и будет. Но не у нас! Разве представляет себе этот парень, что его ждет? Ну отнимут у него, у прокурора, персональную машину, и что? При новом строе у нас в стране на ней все равно кто-то будет ездить! У нас страна такая. Ну, другой государственный чиновник... Или какой-нибудь демократ из новых хозяев жизни, которые уже начали прибирать к рукам народное добро. Думаешь, хозяин нефтебазы будет сам баранку крутить и тебя, товарищ водитель, на вы величать? Вот уж нет! Пошлет так по периметру, что забудешь, как мать родную зовут. И пойдешь куда глаза глядят. Ведь на то она и демократия, что посылают тебя далеко, а идешь куда хочешь. Впрочем, как знать, ведь вполне может быть, что именно таким способом мы и учимся этой демократии...

Вот так, рассуждая, прокурор довольно быстро доехал до колонии. Выслушав доклад начальника исправительно-трудового учреждения, Вязалов приказал привести осужденного Литягина и оставить их вдвоем. Начальник, уходя, попытался еще раз оправдаться. Раньше такую ситуацию и представить было нельзя, а теперь черт знает что творится. Шум

поднимать и привлекать к себе внимание никому не хочется. Вытолкаешь за ворота — так завтра начнут полоскать в газетах и вспоминать все грехи... Может, он сознательно провокацию устраивает, чтобы привлечь внимание? Вязалов устало махнул рукой — все и так понятно, веди.

Литягин за прошедшие годы изменился не сильно. Разве что похудел и посмуглел еще больше. А так как был жилистым, кучерявым, цыганистого типа мужичком, так и остался. И привычка та же — смотрит куда-то в сторону, изредка бросая на собеседника цепкий, оценивающий взгляд.

— Здравствуйте, гражданин Литягин, — уважительно, но в то же время официально поздоровался Вязалов.

— Здравствуйте, гражданин прокурор, — спокойно ответил тот.

Вязалов какое-то время помолчал, пытаясь угадать, как себя поведет Литягин, в каком он психологическом состоянии — настроен агрессивно, будет права качать или можно говорить спокойно. Но по художнику понять что-то было трудно. И прокурор неожиданно разозлился на самого себя. Чего ты тут перед ним елозишь? Не хочет выходить — пусть сидит. И пропади все пропадом. Что, ему перед этим Литягиным теперь чечетку покаянную бить? Не он, Вязалов, так другой бы прокурор оформил ему срок. Время было такое. Вот пусть на время и жалуется.

— Что-то я вас не пойму, гражданин Литягин, вас досрочно освободили, а вы выходить не хотите, — сухо сказал он. — Неужели так на зоне понравилось? Не верю. Тогда чего вы добиваетесь?

Художник пожал плечами.

— А у вас время есть, гражданин начальник?

— В смысле?

— Ну, вы меня выслушать можете? Я готов объяснить все, но в двух словах не получится. Тут разговор обстоятельный нужен.

— Время у меня есть. Я готов вас выслушать.

Литягин положил ногу на ногу, обхватил ладонями колени и начал неторопливо рассказывать:

— Вы вот правильно говорите, что на зоне человеку нравится нечему. Потому что зона — это обвал на тебя дерьма. Оно льется на тебя беспрерывно, окружает со всех сторон, душит, давит... Я когда сюда попал, то, честно говоря, подумал, что долго не протяну и очень быстро здесь сдохну. Не представляете, как мне стало страшно от всего... И главное — вонь. Вонь вообще, и человеческая вонь особенно. Понимаете, глаза можно закрыть, уши заткнуть, а от вони не спрячешься, даже если дышать ртом...

Литягин прикрыл глаза, и лицо его исказила гримаса отвращения.

— А потом я вдруг понял, что надо сопротивляться. Надо жить, а что со мной будет — Бог разберется...

— Вы что — верующий?

— Ну, как верующий... Я верю, что есть кто-то, кто видит и слышит тебя... И судит... Это именно тот, кто дал тебе, за что в этой жизни держаться. А вот сможешь ли ты держаться, тут уже твое дело. Хочешь — держись, даже если кровь из-под ногтей, а хочешь — разжимай пальцы и вались в преисподнюю...

Литягин помолчал.

— У меня детство было тяжелое, бедное. Мать была строгая до свирепости, но зато в

душу не лезла, не мешала. А отец был больной человек, который не мог обеспечивать семью. Он мне постоянно читал, когда у него были силы... Читал все подряд, а я запоминал. Ну еще я любил рисовать и лепить. Помочь мне родители тут ничем не могли, потому что сами к этому делу не имели никакого отношения. Был у нас в городе Дворец культуры текстильщиков, а там кружки рисования и лепки. Вот я туда и ходил, благо там все было бесплатно... Советская власть она же разная была, — усмехнулся художник.

Вязалов взглянул на него удивленно — он готовился совсем к другим речам.

— В общем, детство и юность прошли не зря — я понял, что в этой жизни могу быть только художником. Вот за это мне и нужно держаться. Как — это уже другой вопрос. Правда, когда я стал сознательно заниматься творчеством, то понял, что скульптурой заниматься не смогу...

— Почему? — не понял Вязалов, который всю жизнь был совсем далеким от искусства человеком.

— Ну, почему... Потому что скульптура — это монументальное искусство. Тут нужны мрамор, бронза, металлические конструкции, сварочные аппараты... очень много чего материального нужно. Мне это было взять негде. И потом скульптура — она должна жить в нашей социальной среде, быть частью ее... Понимаете? Она должна стоять на площади, быть вписанной в нее — тогда она работает, тогда она живет. А кто меня с моими фантазиями на площадь при советской власти пустит?

— А при другой власти? — вдруг вырвалось у Вязалова. — При другой власти, думаете, пустят?

Литягин равнодушно пожал плечами:

— Не знаю. Всякая власть давит. Но по-своему. Какая тупо и грубо, какая хитрее и умнее... Вы не думайте, я по поводу никакой власти не заблуждаюсь... Ну да черт с ними, — махнул рукой художник. — В общем, понял я, что заниматься скульптурой — нереально. За что же мне в жизни держаться? Осталось одно — живопись. А раз так, надо учиться. И я приехал в Москву и поступил уборщиком в Третьяковскую галерею. Зарплата, конечно, мизерная, но прожить можно. Зато быстро убрался, полы помыл — и можешь смотреть картины, вбирать их в себя... В полной тишине и одиночестве... Это был кайф. Ну а потом сам уже рисовал дома... И так меня все это забрало, что мне с людьми стало тяжело, просто невыносимо... Потом как-то незаметно исчезла жена, потому что поняла, что я ее просто не замечаю. Я вдруг оказался в каком-то вакууме. Вокруг меня не было ни одного человека, а я на это не обращал никакого внимания...

Литягин покачал ногой и еще сильнее сцепил пальцы рук.

— А потом я из галереи ушел... Может, просто потому, что напился живописью... Но жить-то надо. И оказался я на каком-то заводе совершенно неожиданно подсобным рабочим... А там работали с бронзой и латунью. И стал я для себя из этого металла некие фигурки делать, такие абстрактные композиции...

— А почему на заводе, а не дома?

— Так ведь для этого инструмент нужен, тиски, напильники, печи там всякие... Металл-то руками не помнешь, не оторвешь... Ну а сделанное кому-то дарил, что-то у себя дома хранил...

— Выносили, значит, с государственного предприятия, — констатировал Вязалов, напоминая Литягину, что инкриминировали ему тогда при предъявлении обвинения.

Тот легко рассмеялся:

— Точно, был несунном. Так что посадили вы меня вполне законно, гражданин начальник. А потом я то, что вынес с завода, стал таскать продавать на толкучку, где разные люди, в том числе художники, терлись...

— И много денег выходило?

— Денег? Да нет... Да вы поймите, гражданин начальник, ну что для меня деньги? Да ничего. Ведь самое большое счастье, когда у тебя что-то такое выходит... Чего раньше не было и что никто, кроме тебя, сделать не может... С несколькими художниками я познакомился, они приходили ко мне и видели мои картины, которые я писал просто для себя... И стали их кому-то рекомендовать, кому-то пристраивать, в том числе и иностранцам... Собственно, вот так всё само собой и получилось... То, что я какие-то законы нарушаю, мне и в голову не приходило. Я вообще человек, живущий вне законов, — их не знаю, и мне знать их не нужно...

— Ну, что-то же знать нужно? — не выдержал Вязалов.

— Божьи заповеди я знаю и чту: не убивай, не произноси ложного свидетельства, не желай ничего, что у ближнего твоего...

— Это хорошо. Но жить в обществе нужно все же по законам светским и их соблюдать. Ежели так жить начнут, вне законов, все, — загорячился прокурор, — тут такое начнется...

— Начнется, — согласился художник.

— Ведь даже тут у вас на зоне такие волки сидят, что дай им волю, они всех сожрут!

— Я знаю. Сожрут...

— Наверное, есть и не очень виноватые, и не очень опасные, есть такие! Но ведь сколько преступников и рецидивистов!

Прокурор замолчал, устыдившись собственной горячности. Он словно пытался объяснить этому странному, не от мира сего человеку, что его, Вязалова, жизнь все-таки тоже была прожита не зря и занимался он не за страх, а за совесть делом, без которого страны просто не может быть.

— Я согласен с вами, — с пониманием и сочувствием глядя на него, произнес Литягин. — Я тут таких гадов навидался, что у меня к вам никаких претензий нет. И работа ваша вполне даже нужная, хотя и скажу вам, что очень неблагодарная.

— Так почему вы выходить не хотите?

— Да все очень просто. У меня тут несколько работ неоконченных осталось. И есть несколько человек, которых я должен нарисовать. Понимаете, должен! У них такие лица! Замечательные, удивительные!

— А что, на воле их найти нельзя?

— Можно. Но их надо найти сначала, потом в их человеческую суть вникнуть, а тут у меня все готово уже, понимаете... Я вот с вами разговариваю, очень интересно разговариваю, а у меня под ложечкой сосет — писать тебе надо, работать... Так что, гражданин начальник, разрешите мне еще некоторое время тут побыть? Закончу работу — и уйду. Честное слово! — Художник даже руки просительно прижал к груди. — Никаких неприятностей от меня не будет. Никаких заявлений, ничего!

Прокурор тяжело вздохнул и как-то сочувственно посмотрел на Литягина. Сказал бы кто ему утром, что он поймет этого человека и даже захочет помочь ему...

— Кстати, — прищурясь и пристально глядя на него, продолжил Литягин, — вас бы мне тоже было очень интересно рисовать. У вас на лице много чего... Страсти угадываются... Я, признаюсь, не сразу разглядел, а теперь вижу многое и разное там у вас внутри...

Вязалов опешил — давно с ним никто так не разговаривал.

— Вообще я на вас, гражданин прокурор, не в обиде, — ободряюще улыбнулся ему Литягин. — Ну, за то, что вы меня сюда определили. У вас служба такая. Не вы, так другой меня бы сюда уконтропупил... И хотя, как я вам говорил, тяжело мне тут было сначала во всем дерьме обживаться, но главное не это...

— А что?

— А то, что я тут писать стал сильнее!

Литягин даже не выдержал и вскочил со стула.

— Я тут такое пережил!.. И это все, пережитое, душу мне перевернувшее, в искусство ушло... Туда, туда все пошло... И мои нынешние картины тем ранним работам, что я до зоны писал, не чета. Потому что тогда я ничего не пережил, в бездну не падал и из нее не выкарабкивался, отдирая ногти... А теперь я сам чувствую, как от моих картин пережитое, настоящее прет... И люди это чувствуют. Вот видите, как оно в жизни бывает?

Весь обратный путь Вязалов думал об этом художнике, о том, что прав был, наверное, Кони, когда говорил, что только в творчестве есть радость — все остальное прах и суета. Думал также о том, что вот этот разговор со странным человеком, с которым у него вроде бы ничего общего не было и быть не могло, оказался за последнее время для него самым интересным и важным. И что-то он во время этого общения понял, что не понимал раньше, — такое, что в дальнейшей его жизни, как бы она ни сложилась, ему обязательно поможет.

1989 г.

Цель — определить стоимость обуви по оставленным в грязи следам.

Из постановления о назначении экспертизы

— И тут, Генрих Трофимыч, судья спрашивает: «А проводился ли следственный эксперимент?» Я говорю: «Какой эксперимент?» А он: «На предмет установления, в состоянии ли был обвиняемый инвалид догнать потерпевшую бегом в том случае, когда у потерпевшей трусы находятся лишь на одной правой ноге?»

Прокурор Друз с отвращением посмотрел на своего тщедушного и неудержимо лысеющего заместителя Драмоедова, который докладывал о своем неудачном выступлении на вчерашнем судебном заседании. Рассматривалась попытка изнасилования и нанесения побоев инвалидом второй группы Лепетухой диспетчерше автобазы Кормухиной, не пожелавшей «вступать с ним в половые контакты на добровольной основе за деньги».

Дело было смутное — сначала инвалид с диспетчершей вроде бы обо всем договорились, уже и трусы оба почти снимали, а потом та вдруг заартачилась, стала говорить, что она не знала раньше про протез, а когда протез увидела, так ей прямо не по себе стало, и потому пусть инвалид еще денег добавляет. Инвалид разъярился, потому что был уже в состоянии сексуального аффекта, и сказал, что добавить он, конечно, может, но только кулаком по морде... Причем не один раз. И физиономия у него при этом была такая, что диспетчерша бросилась от него бежать в «недоснятых», как было отмечено в протоколе, трусах. А инвалид в неснятом протезе, но без трусов поскакал, как козел, за ней, потому что у него уже там все дымилось...

Ну, и доскакался. Диспетчерша поскользнулась и сверзилась в какую-то колдобину, да так, что сломала руку и ногу и три месяца пролежала в гипсе без возможности работать. Мало того, перелом оказался такой сложный, что теперь ей самой приходится инвалидность оформлять.

Ну, естественно, теперь она, как человек, регулярно смотрящий телевизор, требовала, чтобы ей возместили и утрату трудоспособности, и моральный ущерб. А адвокат инвалида теперь доказывал, что догнать он ее на своем протезе вообще не мог ни в коем случае, в трусах она была или без трусов. И потому, получается, бежала она куда-то в недоснятых трусах по какой-то своей надобности, и инвалид тут совершенно ни при чем...

— Ну а ты что? — спросил Друз, который, глядя на зализанные белесые волосики Драмоедова, представлял себе, как гогочет зал суда над двусмысленными подробностями, которые вытаскивает из глупой гусыни потерпевшей ловкий адвокат Шкиль.

— А что я? Сказал как было. Не делался такой эксперимент, потому что никто из женщин не желает бегать от инвалида в трусах на одной ноге. Даже для следственного эксперимента.

— А судья что?

— Говорит: как же нам в таком случае судить?

— А адвокат?

— А адвокат говорит: гражданин прокурор, вы же понимаете, что нам для выяснения истины и вынесения справедливого приговора надо узнать об изнасиловании как можно

больше — где, когда, как? Было это вообще? А может, этого и вообще не было? Как же мы можем это узнать без следственного эксперимента? Тем более если обвиняемый вами инвалид утверждает, что страдает половой слабостью по месту жительства?

— Это как это — половой слабостью по месту жительства? Что, дома не может, а на улице — сколько угодно?

— Да нет, Генрих Трофимыч, это я просто выразился так для краткости... В том смысле, что у него об этом справка есть, выданная в поликлинике по месту жительства...

— Ну ты, знаешь, сокращай-то поаккуратнее, а то уж больно у тебя заковыристо получается, без бутылки не допрешь...

Драмоедов подобострастно закудахтал что-то.

Друза невольно передернуло. Бред какой-то получается. Инвалид, страдающий половой слабостью по месту жительства. Баба, снявшая наполовину трусы, а потом испугавшаяся прежде невиданного протеза и побежавшая в трусах на одной правой ноге по какой-то своей надобности...

Но во всем этом бреде ясно чувствовалась направляющая рука. И Друз прекрасно знал, чья это рука. Тут был виден почерк адвоката Шкиля. Он явно решил превратить все в посмешище: и дело, и суд, и прокуратуру. Причем в особо циничной форме. И под все эти хиханьки да хаханьки выиграть дело.

— Я ему, адвокату этому, Генрих Трофимыч, хотел там ответить, срезать так, знаете, сказать все, что о нем думаю, на место поставить... Да потом подумал, что в зале пресса, стоит ли связываться?

— Я себе представляю, — усмехнулся Друз и даже поерзал своим громоздким телом в просторном кресле. — Тебе, Драмоедов, с ним связываться, особенно в присутствии прессы, — это как раз то, что ему и надо. Так что хорошо, что не связался. А то бы ты тоже побежал по своей надобности в недоснятых трусах на одной ноге...

Драмоедов обиженно надулся. А что поделаешь, не таким, как он, такого адвоката, как Шкиль, осаживать.

Прославился Драмоедов тем, что наглый адвокат Шкиль, тогда только объявившийся в городе, в суде его чуть до слез не довел. Это в советском-то суде! Пусть уже и продуваемом насквозь ветрами перестройки, но советском же еще!

Тогда как раз родилась идея о привлечении КГБ к борьбе с экономической преступностью. Прокуратура области, как это и положено, должна была за следствием надзирать и в суде обвинение поддерживать. Но поскольку район находился далеко, область в порядке исключения поручила это дело Друзу как многоопытному и проверенному товарищу. А Друз, надо прямо признать, поступил неосмотрительно — бросил почему-то на эту работенку Драмоедова, рассчитывая, что ушлые и высокомерные чекисты сами со всем справятся, а Драмоедов при сем лишь поприсутствует. Но чекисты оказались ребятами хотя и решительными, но привыкшими работать, не обращая особого внимания на разные тонкости уголовно-процессуального кодекса. Драмоедов же вместо того, чтобы хоть какие-то приличия при оформлении дела соблюдать, смотрел на них с открытым ртом, как на комиссаров в пыльных шлемах, слово неодобрительное произнести был не в состоянии.

Чекисты же, умники, не придумали тогда ничего лучше, как сделать главной обвиняемой по делу о хищениях в тресте ресторанов и столовых женщину с оравой ребятешек. Та как начала в суде рыдать — потом выяснилось, что проклятый Шкиль ее специально этому научил, — так весь процесс и проплакала, доведя судью Сиволобова до

полного изнеможения.

Сам же Шкиль на протяжении всего судебного рассмотрения постоянно мордовал суд различными ходатайствами по поводу допущенных в ходе ведения следствия нарушений. Чуть ли не каждую минуту вскакивал и — караул! И обязательно, язва такая, присовокупит: невозможно понять, как многоуважаемый прокурор, который здесь, между прочим, присутствует, мог такое допустить! Куда смотрит прокурор? А может, он и к делу-то допущен не был?

Драмоедов дулся-дулся, а потом не выдержал и скулящим голосом стал судью Сиволобова умолять:

— Товарищ судья, да остановите вы наконец это издевательство над прокурором! Чего он все время: «Прокуратура такая, прокуратура сякая!» Он что, не понимает, что прокурор не может по пятам за следователем ходить? Прошу вас, товарищ судья, запретить ему без явной необходимости употреблять слово «прокуратура» впредь вообще!

Шкиль ядовито улыбнулся, а Сиволобов только плечами пожал. Он-то уже тоже видел, куда перестроечные ветры дуют и что с адвокатами теперь так просто нельзя.

Безжалостный Шкиль через минуту вскочил и залепил:

— Товарищи судьи, здесь снова грубо нарушен закон. А из этого можно сделать один-единственный вывод: должный надзор за законностью расследования не осуществлялся...

Тут он издевательски помолчал, посмотрел на Драмоедова, закатил глаза к небу и, когда все в очередной раз готовы были услышать слово «прокуратура», неожиданно закончил:

— ...не осуществлялся, как положено, также за трестом столовых и ресторанов, в котором работает моя подзащитная!

Зал, конечно, издевательскую шутку адвоката оценил.

Услышав про тресты и рестораны, Драмоедов, который в бессильном ужасе ждал, когда адвокат снова начнет полоскать прокуратуру, вскочил, схватил бумаги и, чуть ли не рыдая у всех на глазах, проблеял:

— Меня тут... оскорбляют! Так нельзя, граждане!

Вид у него был такой, что даже обвиняемая плакать перестала. А Драмоедов схватил портфель и был таков.

Обомлевший от столь необычного поведения прокурора судья Сиволобов тут же объявил перерыв, помчался в свой кабинет, позвонил Друзу и сказал, умирая от смеха:

— Трофимыч, ты где таких пидоров подбираешь? Тоже еще чудо в перьях — прокурор со слезами на глазах! Он там у тебя не обоссался случаем? Может, вам в прокуратуре теперь на процессы подгузники надевать надо?

На следующий день Друзу пришлось самому идти в суд и в свирепой борьбе с адвокатом, гавкая и рыча на каждую его остроту, честь своей прокуратуры отстаивать.

Наверное, тогда он вполне мог от Драмоедова избавиться, но делать этого не стал. Не потому, что ему этого слизняка жалко было, а просто Генрих Трофимыч, мужик тертый, хитрый, к тому времени уже все про систему, в которой живет и работает, знал. И понимал даже не разумом, а нюхом, что делать надо, а что не надо и где лучше перетерпеть. За Драмоедова хлопотали серьезные люди, которые для прокуратуры много полезного могли сделать, а многоопытный Друз такими возможностями не разбрасывался. Он давно уже понял, что жизнь богаче всех законов и многообразнее любого из документов партии и правительства, даже самого исторического.

Но что делать в нынешней ситуации, Друз честно не знал. Не идти же ему самому на

старости лет в суд и бодаться с хитрованом Шкилем по поводу того, с какой скоростью передвигались диспетчерша и инвалид в недоснятых трусах... Друз вдруг подумал с тоской, что раньше таких дел и представить было нельзя. Чтобы пожилые уже мужик с бабой поперлись в суд на публичное посмешище, да никогда! Договорились бы как-нибудь через родственников и знакомых.

Кстати, Друз инвалида Лепетуху немного знал. Мужик это был тертый, крученный, недобрый, но со своими понятиями о чести и совести. Жил он уже давно один в хорошем собственном доме — ни жены, ни детей. Пошел бы он раньше докладывать всему Лихоманску, что страдает половой слабостью и хотел попользоваться ласками какой-то затасканной диспетчерши за деньги?.. Да ни за что!

А на другой день к Друзу примчался сияющий и довольный Драмоедов.

— Генрих Трофимыч, конец процессу! Все!

— Чего так? — не понял Друз. — Помирились, что ли?

— Нет, лучше! Инвалид этот ночью удавился! Оставил записку: «А пошли вы все!» Так что все!

— Ну, все так все, — буркнул Друз.

Смотреть на счастливое лицо заместителя не было сил.

1987 г.

Надеюсь, суд вынесет такую меру наказания, которая не усугубляла бы уже имеющийся смертельный исход.

Из речи адвоката

Адвокат Артур Сигизмундович Шкиль лежал в душистой ванне и занимался умственной деятельностью — подводил итоги последних дел, материальные и моральные.

В свое время Артур Сигизмундович вовремя почувствовал, что перемены, затеянные незадачливым коммунистическим вождем, остановить уже невозможно, так что надо действовать исходя именно из этого обстоятельства. Смысл же происходящего Шкиль сформулировал для себя очень просто: лопнул коммунистический панцирь, и обнаружилось, поперло наружу то, что этот панцирь долгие годы сковывал...

Наружу вылезло человеческое нутро. Опять оно, уже без всяких там идеологических оков, стало править бал на бесконечных просторах развалившегося государства российского. И сколько бы ни морочили голову простому народу демократией и либеральными ценностями, теперь снова каждый за себя, кто смел, тот и съел, у сильного всегда бессильный виноват, ты виноват уж тем, что хочется мне кушать...

Ничего нового. Все естественно. Люди остались людьми, какими были за тысячи лет до коммунистического эксперимента.

А значит, надо жить по законам современных джунглей. И ничего изобрести тут не удастся, то есть не надо и пробовать. Как в той же Америке, одним из хозяев жизни в джунглях теперь становится lawyer — адвокат, крючоктвор, законник, способный вывернуть закон наизнанку, умеющий кого угодно отмазать, а кого угодно разорить и посадить... А это уже дает самое главное, что может иметь человек, — власть. Реальная власть, которую признают все: и государство, и прокуратура, и бизнес. А раз признают и испытывают в ней нужду, значит, и платят по полной программе.

Поэтому свою деятельность в Лихоманске адвокат Шкиль начал не с делания денег, а с создания репутации. Будет у него репутация, что он способен выиграть любое дело, — деньги ему сами принесут.

Артур Сигизмундович добавил в ванну горячей воды и душистого шампуня на натуральных лесных травах. Свое тело он любил и берег. Тем более что скоро оно ему очень даже понадобится...

Так вот о репутации.

Шкиль поначалу брался за любые дела, совершенно, в отличие от других осторожных коллег, не боясь связываться с городской прокуратурой, в которой восседал легендарный Генрих Друз. Потому что он знал, что обладает оружием, которое не по зубам застрывшей в советском прошлом прокуратуре.

Шкиль умел и любил превращать судебный процесс в спектакль, в зрелище, в шоу. Он устраивал представления со слезами, покаяниями, истериками и неожиданными признаниями, которые безошибочно действовали на публику. А в прокуратуре по-прежнему работали советские люди, изрядно развращенные годами потакания, обвинительным уклоном, ложными представлениями, что они все еще надзирают за судом и там автоматически проштампуют представленные ими дела.

И еще одно оружие бесстрашно обнажал в суде Шкиль — непристойные, физиологические стороны жизни. Он давно убедился, что русский человек пуще всего на свете стесняется именно этих сторон жизни, стыдится их и готов пострадать, только бы они не были выставлены перед другими наружу. Это самовлюбленный американец или европеец совершенно спокойно рассказывает в суде, что у него со стулом и каковы были последние анализы кала и мочи. А русский человек буквально исстрадается, измучается весь, когда дело доходит до дерьма или спермы. Может, он в душе себя бесплотным и непорочным ангелом считает? Вот Артур Сигизмундович их самым обыкновенным дерьмецом-то и доводил до судорог и безоговорочной капитуляции.

Первым, на ком он испытал это оружие, был бессменный директор местного техникума, член горсовета, упертый коммуняка Кремнюк, возомнивший себя одним из отцов города. Почему-то Кремнюк вообразил, что именно ему должно указать адвокату Шкилю, который быстро стал одним из лидеров демократической оппозиции в городе, его законное место — у параша. Пока другие демократы жаловались друг другу на самоуправство и тупость коммуняка, Шкиль искал дело, по которому можно было Кремнюка хорошенько прищемить за яйца.

И нашел. Секретарша Кремнюка за торт и бутылку легендарного в те годы ликера «Амаретто» согласилась сделать копии нескольких жалоб и рапортов, поступивших на имя Кремнюка как в качестве директора, так и в качестве члена горсовета. Артур Сигизмундович стал обладателем чудных бумаг, которые вопиющей безграмотностью и чудовищной бессмысленностью потрясли даже его ко всему привыкший разум.

«Так как я к умным не отношусь, решил обратиться прямо к вам...»

«За хорошую работу меня наградили почетной доской...»

«С детства и до замужества я не знала, что такое болезнь, была что вдоль, что поперек...»

«Пишу прямо Вам, причем предупреждаю, что по национальности я армянин...»

«Наблюдаются элементы зазнайства и сибаритства, в результате чего допускает незаконное увольнение граждан...»

Слегка очумев от этого словесного и умственного изобилия, Шкиль наконец наткнулся на документ, представлявший несомненный интерес. Другой бы тут ничего перспективного не увидел, но на то Артур Сигизмундович Шкиль и был lawyer милостью Божьей.

«Настоящим рапортом рапортую, что несмотря на то, что лично мною уже были поданы три рапорта о том, что необходимо повесить крючки на дверях уборной во дворе, таковых привешено не было.

Между прочим, отсутствие таковых приводит к скандальным происшествиям в уборной, куда ходят кроме студентов еще и служащие соседней типографии, у которых своей уборной нет и не предвидится.

27 декабря студенты, как всегда на переменах бывает, бежали как бешеные через двор в уборную. А там уже сидели по своим надобностям в кабинках граждане из типографии, некоторые даже инженеры. Ввиду отсутствия крючков, на что я неоднократно предупреждал, указанные граждане сидят на унитазах в кабинках и руками держат двери за ручку. Причем из-за отсутствия сидений сидят орлом, что очень неустойчиво.

А студенты, как обычно бывает, ворвались в туалет, как дикие звери, и стали рвать двери кабинок на себя. В результате этого они стащили гражданина Пирожкова А.П. с

унитаза. А так как он держался за ручку изо всех сил, его выволокло из кабинки и бросило вниз под писсуары, где он ушиб колени, разбил в кровь лицо и очки, вымазал и замочил экскрементами до полной негодности свой костюм. Вот в таком обидном виде он при прочих гражданах и студентах находился под писсуарами, пока не пришел в себя...

[Купить полную версию книги](#)